

Александр Аввакумов

Пятна на солнце



18+

Александр Аввакумов

Пятна на солнце

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Аввакумов А. Л.

Пятна на солнце / А. Л. Аввакумов — «ЛитРес: Самиздат», 2016

Произведение посвящено работе советской контрразведки в годы Великой Отечественной войны. Повествование охватывает наиболее тяжелые годы войны, борьбу сотрудников НКВД с немецкими диверсантами в городе Москва, рассказывает о гибели 2-ой ударной армии в болотах под Новгородом и Псковом, о розыске предателей, которым удалось уйти от возмездия и обосноваться в глубоком тылу советской армии. Книга рассчитана на широкий круг читателей.

© Аввакумов А. Л., 2016

© ЛитРес: Самиздат, 2016

Содержание

Феномен предательства	5
Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Феномен предательства (предисловие к роману «Пятна на солнце»)

Роман «Пятна на солнце» относится к военно-детективному жанру. Его автор – известный и признанный в Казани писатель-прозаик Александр Аввакумов.

О Великой Отечественной войне мы, казалось бы, знаем все: написано и прочитано немало книг, снято много фильмов, телесериалов. Однако особенностью книг Александра Аввакумова на эту тему является желание автора разобраться в глубинных, субъективных причинах трагических ситуаций и событий войны, сломанных судьбах, поражающих воображение потерях, которые понес наш народ в этой страшной войне. Мы знаем из учебников истории, что нападение врага было внезапным, вероломным, а наша армия оказалась не готова к развёртыванию военных действий. Но в учебниках ничего не сказано о субъективной стороне военной трагедии, имя которой – предательство.

Главный герой романа, капитан Сорокин, сотрудник особого отдела армии, выполняя задания по выявлению диверсантов, вплотную сталкивается с людьми, ставшими в силу тех или иных обстоятельств предателями. Что же такое предательство и почему так весомы, значимы его последствия?

Словари дают следующую трактовку этого понятия: предательство – вероломное нарушение клятвы, доверия, верности, долга. Классическим примером его считается предательство Иудой своего учителя – Иисуса Христа.

Предательство – наша повседневная явь, мы предаем себя, своих близких, порой не ведая, что творим, мы страдаем от предавших нас, забываем и прощаем предателей – такова жизнь! Но, одно дело – повседневность, и совсем другое – война, где предательство оборачивается гибелью миллионов людей.

Предательство совершается как отдельным человеком, так и государством, людьми, наделенными властью, и подвергаются ему как конкретные люди, так и нации, интересы и ценности культуры, традиции и обычаи народа. Таким образом, предательство – многоликий феномен и в каждом конкретном случае скрывает в себе мотивы, причины преступного действия. Ими могут быть стремление к самоутверждению, трусость, малодушие, безынициативность, потеря веры в дело, которому служишь и воли к его осуществлению, страх как проявление инстинкта жизни.

Вернемся к сюжету романа, в котором представлена галерея образов – предателей, разоблаченных героем романа. Старший лейтенант Серов, выпускник военно-инженерного училища, воевал на Западном фронте, командовал ротой. Попав в окружение и испытывая на себе мощное превосходство противника, многие его бойцы разбежались, другие, среди которых был и Серов, сдались в плен. По его признанию в беседе с капитаном Сорокиным в нем сработал инстинкт жизни. «Выжить, во что бы то ни стало»! Страх смерти привел его к предательству – он дал согласие сотрудничать с немцами, вести диверсионные действия в Москве, в конечном итоге – взорвать метро.

С ним в одной цепочке оказался майор Бекетов. Мотивом его предательства явилось чувство ответственности за семью – жену и дочь, которым грозило физическое уничтожение в случае отказа в сотрудничестве с немцами. Совершенно отвратителен образ предателя Демидова, сдавшегося добровольно немцам и с особой жестокостью и изуверством совершающий карательные акции против мирного населения, партизан и сочувствующих им. Что руководило его действиями? Жажда самоутверждения? Не только! Отдельные его поступки – расстрел младенца, слепое, повальное, массовое убийство людей, повергающее в шок даже его хозяев

– немцев, свидетельствует о маниакальном синдроме, расстройстве психики. Поистине, правы мудрецы, утверждающие, что предатель никогда не простит того, кого он предал.

Трагично представлены в романе обстоятельства сдачи в немецкий плен генерала Власова, чье имя стало синонимом предательства. Он, как и многие из тех, кто предал, был, в конечном счете, простым человеком, любящим и жаждущим жизни. В беседе с Берия Сталин на вопрос о том, почему Власов не пытался выйти из окружения, сам же и отвечает: «Испугался, жить захотелось, бросил армию».

Как видно из представленных примеров, мотивы предательства у людей были разные, и все же всех их объединяет одно: предательство со стороны руководства армией. Голодные, безоружные не имеющие соответствующую погодным условиям одежду и обувь, деморализованные бойцы и офицеры потеряли веру в победу армии, на себе испытывая преимущества врага. Причиной создавшейся ситуации были страх, малодушие, трусость командования армией. Опять же к месту привести умозаключение Сталина: «Отдельные высшие командиры почему-то больше боятся нас, чем немцев, и поэтому сражаются с оглядкой на Москву»!

Итак, предательство мерзко, отвратительно, но оно – проявление человеческой слабости. Так можно ли его оправдать, простить? На первый, поверхностный взгляд, создается впечатление, что автор романа сочувствует людям, совершившим измену. Однако мы видим, как жестко и непримиримо ведет свою линию отношения к предателям Александр Сорокин: предательство не может быть оправдано, изменник должен понести наказание даже ценой своей жизни. Позиция Сорокина и есть позиция автора и сверхзадача романа. Патологичное, вероломное, антигуманное поведение людей в обществе попытки понять и простить предательство, приводят к размыванию представлений о добре и зле, к болезни и гибели общества.

*Бессонова Л. А.,
доктор философских наук, профессор*

**Война – это пир предателей и героев.
За какой стол садиться, каждый выбирает сам...**

Часть первая

Москва

Стояла поздняя осень 1941 года. Капитан Сорокин шел по проселочной дороге, обходя стороной лужи и воронки от бомб и снарядов. До железнодорожной станции, куда он направлялся, было не далеко, но путь этот оказался для него нелегким, ранение в бедро давало о себе знать, и внезапные боли, возникавшие в ноге при движении, заставляли его часто останавливаться. Вот и в этот раз боль как молния пронзила его ногу, от чего Александр охнул и, громко выругавшись, остановился. Сейчас он жалел, что не послушал старшую медицинскую сестру и решил добраться до станции самостоятельно.

«Хоть бы попутная машина попалась, – с надеждой подумал он. – А так можно засветло и не дойти до станции».

Он посмотрел на часы, которые показывали начало третьего, и перевел взгляд с циферблата на серое свинцовое небо, которое висело словно дьявольский покров. Откуда-то из-за черного безжизненного леса донесся протяжный гудок паровоза. Он поправил выгоревшую от солнца пилотку, поднял воротник шинели и двинулся по разбитой траками танков дороге, опираясь на самодельную палочку. Размышляя о предстоящей встрече со своими товарищами по службе, он не заметил, как его нагнала легковая автомашина.

– Куда путь держите, капитан? – спросил его мужчина с тремя шпалами на петлицах.

Александр быстро переложил палочку из одной руки в другую, и отдал честь.

– Капитан Сорокин, – представился он. – Возвращаюсь из госпиталя в часть.

– Садитесь, капитан, я тоже еду на станцию, – предложил ему подполковник. – Не рано еще на фронт? Я смотрю, вы сильно хромаете.

– Врачи выписали, товарищ подполковник, считают, что воевать я могу. Если честно, лежать в госпитале стало тяжело. Кругом раненые, калеки, а я хоть и плохо, но ходить могу.

Подполковник усмехнулся.

– Ходить, капитан, могут многие, но нам сейчас нужны солдаты, а не те, кто может передвигать ногами.

– Меня агитировать не нужно, товарищ подполковник. Если потребуется, то я и зубами буду рвать фашистов.

Тот снова снисходительно улыбнулся и покачал головой, то ли, осуждая его, то ли, соглашаясь с ним.

– Где вы служили, капитан?

– В особом отделе 37-ой армии, ранение получил при выходе из окружения.

– Выходит, у Андрея Андреевича Власова? Я хорошо знаком с ним. Мы вместе вступили в партию в 1930 году, а в 1929 году окончили Высшие армейские курсы «Выстрел». Затем наши пути разошлись: меня направили в Южный военный округ, а его, как я слышал, в Китай в качестве военного советника к Чан Кайши. Видимо, неплохо он там служил, если дослужился до командующего армии. Не каждому доверяют подобную должность.

– Не берусь судить об этом, товарищ подполковник. Мне всего два раза удалось с ним переговорить за все эти годы: кто он, и кто я?

– Профессионально отвечаешь, капитан. Ты хорошо научился уходить от прямых вопросов.

Подполковник рассмеялся. Он что-то еще хотел спросить у Сорокина, но машина резко свернула влево и затормозила около свежеекрашенного шлагбаума, который словно длинная худая рука пересекал дорогу. К машине подошел офицер в накинутой на шинель плащ-палатке.

– Комендантский патруль. Старший лейтенант Захаров. Документы, – монотонным голосом произнес он и взял в руки, протянутые шофером бумаги.

Что-то в действиях офицера не понравилось Сорокину. Может, что он вел себя как-то не естественно, может, его руки с отполированными ногтями. Сорокин машинально опустил руку в карман шинели, где у него лежал трофейный пистолет «Люггер». Офицер долго читал бумаги, тем самым вызвал недовольство и у подполковника. Тот открыл дверь автомашины и махнул офицеру, подзывая его к себе.

– Старший лейтенант, – сказал ему подполковник. – Вы что, плохо читаете? Я заместитель командира 4-ого механизированного корпуса подполковник Наумов. В чем дело, старший лейтенант?

Офицер взглянул на солдат, стоявших в стороне от машины. Сложив бумаги, он как бы нехотя направился к старшему командиру.

– Извините, товарищ подполковник. У меня приказ начальника особого отдела дивизии проверять все автомашины, направляющиеся в сторону станции. Немцы высадили десант, поэтому мы и проверяем всех. Товарищ подполковник, я попрошу вас выйти из автомашины и предоставить транспорт для тщательного осмотра.

– Вы, что не поняли, кто стоит перед вами? – с угрозой в голосе произнес Наумов. – Да я вас под трибунал отдам за подобные требования!

Солдаты, как по команде, вскинули автоматы и направили их на машину. Рука офицера скользнула под плащ-палатку, и тут же раздался выстрел. Наумов медленно осел на землю, а офицер, открыв дверь машины, направил на водителя пистолет. Сорокин, сидевший на заднем сиденье, выстрелил в лицо офицера. Старший лейтенант повалился в дорожное месиво. Открыв заднюю дверцу, Сорокин выскочил из машины и быстро упал на землю. Через секунду кузов вспорола автоматная очередь, затем вторая и третья. Водитель автомобиля был моментально убит. Его тело вывалилось из кабины.

– Не стрелять! – крикнул один из солдат, приняв на себя командование диверсионной группой. – Берем языка и быстро уходим!

Немецкие диверсанты с опаской приблизились к трупам подполковника.

– Кажется, готов, – произнес один из них и заглянул в открытую дверь автомашины, чтобы забрать полевую сумку подполковника, которая лежала на заднем сиденье.

Сорокин, укрывшись за деревом, выстрелил. Диверсант, громко вскрикнув и схватившись за живот, повалился на землю. Вторым выстрелом Александр расправился с диверсантом, который рылся в карманах Наумова. Третий диверсант неожиданно бросился бежать в сторону придорожных кустов. Он как лось с треском продирался через ветви густого кустарника, стараясь как можно дальше уйти от места стычки. Сорокин прицелился и плавно нажал на курок «Люггера»: пуля, срезав несколько ветвей, угодила диверсанту в спину и перебила позвоночник. Подняв с земли автомат, Александр направился к кричавшему от боли диверсанту, который, то приходил в себя, то снова терял сознание.

– Сколько вас? – спросил он раненого. – Говори, а то убью!

Он наступил сапогом ему на грудь и передернул затвор автомата.

– Одиннадцать, – произнес диверсант. – Христом, Богом прошу, помоги мне, не убивай.

– О Боге вспомнил? – спросил его Сорокин. – А, где ты раньше был? Где остальные?

– Они на станции: там, в тупике, стоят старые вагоны. В одном из них они и скрываются.

– Задача группы?

– Уничтожение командиров Красной Армии, диверсии на железнодорожном транспорте.

– Говори конкретно!

– Захват станции и железнодорожного моста и удержание этих объектов до подхода основных сил вермахта.

Сорокина отвлек от допроса треск кустов. Он увидел, что к нему бежит несколько красноармейцев.

– Стой! Руки вверх! – выкрикнул один из бойцов и направил ему в грудь штык винтовки.

Александр поднял руки и бросил на землю пистолет и автомат. Его повели к дороге, по которой в сторону станции двигалась колонна машин. Заметив расстрелянную штабную автомашину и трупы лежащих на земле бойцов и офицеров, колонна остановилась. Из автомобиля вышел старший лейтенант и подошел к лежавшему на земле Наумову. Заметив направляющихся к нему бойцов и офицера в расстегнутой шинели с высоко поднятыми руками, он достал из кобуры наган.

– Не стреляйте! – крикнул Сорокин. – Не стреляйте, мы свои!

Из кузова машины стали выпрыгивать солдаты, которые направили на них оружие.

– Стоять! – скомандовал офицер. – Оружие на землю!

Красноармейцы, конвоирующие Сорокина, положили на землю оружие и подняли руки. Через минуту за их спинами выросли солдаты.

– Кто такой? Откуда? – спросил Александра офицер. – Часть, соединение?

– Капитан Сорокин, сотрудник особого отдела 37-ой армии. Направляюсь после госпиталя в распоряжение особого отдела. Вон лежит раненый диверсант из полка «Бранденбург 800». Это они здесь устроили засаду и убили подполковника Наумова – заместителя командира 4-ого механизированного корпуса. А кто вы?

– Старший лейтенант инженерных войск. По приказу командования направляемся на станцию, – произнес офицер и с недоверием посмотрел на Сорокина. – Это вы их всех уложили?

– Я, – коротко ответил Сорокин. – Я ехал в машине с Наумовым.

– Здорово, – восхищенно произнес старший лейтенант. – И где вы так научились стрелять?

– На фронте, старший лейтенант. Жизнь научила.

Офицер вернул ему документы и предложил доехать вместе с ними. Оставив около тел убитых часовых, колона двинулась к железнодорожной станции.

* * *

Сорокин сидел в помещении железнодорожной станции и пытался убедить коменданта в необходимости проведения операции по уничтожению немецких парашютистов. Комендант, мужчина средних лет с двумя шпалами на черных петлицах, смотрел на него красными от бессонных ночей глазами и, как показалось Сорокину, плохо понимал, что требовал у него этот офицер из особого отдела.

– Товарищ майор! Если мы не уничтожим десант, то они ударят нам в спину в любую секунду. Дайте мне людей, и мы прочедем территорию станции.

– Погоди, капитан. У меня и без тебя хлопот хватает. Ты, не видишь, что здесь творится? Все кричат, чего-то требуют, угрожают трибуналом и оружием. Скажи мне, откуда я тебе найду людей? Все на ремонте подъездных путей после вчерашней бомбежки, не рожу же я их? Вся станция забита составами, и сейчас сам черт не разберет, что я должен делать – принимать или отправлять эшелоны, а ты со своими парашютистами. Хорошо, что нелетная погода, а так бы нас уже давно разбомбили немецкие самолеты.

В помещении стало тихо. Взгляд майора сконцентрировался на палочке-трости капитана.

– И как ты хочешь с этими немцами разобраться? Да ты без этой палки никуда, – со злостью произнес майор. – Тебе лечиться, капитан, нужно, а не бегать за немцами. Сейчас свяжусь со штабом корпуса, пусть пришлют здоровых людей.

– Товарищ майор! Вы, по всей вероятности, плохо понимаете, с кем говорите! Я сотрудник особого отдела армии, и мне глубоко наплевать, где вы найдете людей, чтобы прочесать территорию станции. Если через пять минут вы не сделаете этого, я буду вынужден арестовать вас. Вы поняли меня?

Лицо майора сначала покраснело от возмущения и стало похоже на раскаленную сковородку, а затем вдруг резко побледнело. За всей этой неразберихой, что творилась на станции, он не уделил особого внимания, этому офицеру, в выгоревшей пилотке и короткой шинели. Сейчас после злых фраз, услышанных в свой адрес, он понял, что этот офицер не шутит и готов личным решением расстрелять его прямо за зданием станции.

Он снова посмотрел сначала на капитана, а затем на его палку.

– Хорошо капитан, я дам тебе отделение красноармейцев, больше не могу. Нет у меня людей.

Майор вышел из-за стола и, надев шапку, выглянул в коридор, где с ноги на ногу переминался часовой.

– Срочно найди мне Леонтьева. Одна нога здесь, другая там, – обратился он к нему.

Прошло около минуты, и в помещение вошел мужчина в старой, потертой телогрейке и вытянулся перед майором.

– Товарищ майор! Сержант Леонтьев по вашему приказу прибыл.

На его лице, усыпанном следами от оспы, светились зеленые с хитрецей глаза.

– Сержант, ты и твоё отделение поступаете в распоряжение капитана Сорокина. Понятно?

– Так точно.

Сорокин встал со стула и, одернув шинель, направился к двери.

– Твоя палочка! – крикнул ему вслед майор. – Как ты без нее?

– Пусть пока полежит у вас, – ответил капитан. – Пойдем, сержант, посмотрим твоих орлов.

Они вышли из комнаты и направились за здание станции. Там, около грузовой машины стояло около десятка бойцов, которые что-то обсуждали между собой. Заметив своего командира, рядом с которым шел офицер, солдаты быстро построились в шеренгу.

– Отделение, смирно! – скомандовал один из солдат.

Капитан Сорокин медленно прошел вдоль строя, внимательно вглядываясь в застывшие лица солдат. Наконец, он остановился около одного из красноармейцев.

– Рядовой Грачев, – представился тот и приложил руку к шапке.

– Давно на фронте? – спросил его Александр.

– С июля 41-ого, товарищ капитан. От Минска топаю, все надеюсь, что когда-нибудь остановлюсь.

– Остановишься, Грачев, остановишься. Я вот тоже, как и вы отступаю из-под Минска, а надежды не теряю.

– Товарищ капитан, у меня все бойцы обстреляны, молодых нет, – произнес Леонтьев. – У каждого из нас свои счета с фашистами, так что можете на нас положиться.

– Тогда вот что, сержант. Проверьте оружие и получите дополнительно боеприпасы – произнес Сорокин. – Предстоит боевая операция против фашистских диверсантов, которые находятся недалеко от нас. У вас на подготовку час.

Сержант распустил отделение и, повернувшись к Сорокину, предложил перекусить. Вскрыв финским ножом банку с тушеным мясом, он протянул ее капитану.

– Угощайтесь, товарищ капитан, – сказал он и, когда тот взял в руку банку, поинтересовался у него. – Вы откуда родом, товарищ капитан?

– Я из Казани.

– Да мы с вами почти родня: я из Волжска. Он не далеко от Зеленого Дола.

Они рассмеялись.

– И вправду почти соседи, – произнес Сорокин и снова улыбнулся. – Сержант, у вас ничего нет из одежды? Я из госпиталя, там одели. Холодно.

– Найдем, товарищ капитан, и телогрейку новую, и шапку, и даже сапоги. Я смотрю, у вас старые сапоги, наверное, все ноги мокрые?

– Есть немного, – ответил Сорокин, выскребая из банки остатки тушеного мяса.

Сержант быстро исчез за углом здания, а Сорокин достал из кармана шинели помятую пачку папирос. Выбив одну, он закурил. Александр любил эти первые минуты после еды, когда как бы укладываешь принятую пищу в приятное облако табака. В эти минуты чувство сытости и блаженства полностью овладевали не только телом, но разумом. Он знал многих бойцов, которые отказывались от приема пищи накануне боя, боясь ранения в живот. Ходили слухи, что в случае ранения спасти человека практически невозможно, однако Сорокин этому не верил. От ранения в живот умирали и голодные, и сытые. Вот и сейчас, он не думал о ранении, ему было просто хорошо и комфортно, а что будет потом, через час или два, никто, кроме Бога, не знал.

– Вот, товарищ капитан, примерьте, – услышал он позади себя голос сержанта. – Думаю, должно подойти.

Капитан обернулся и увидел Леонтьева, который держал в руках практически новую телогрейку, шапку и сапоги. Александр быстро скинул с себя шинель и надел телогрейку. Новая одежда была его размера и сидела на нем так, будто он родился в ней. Сапоги оказались на размер больше, но это было все равно лучше, чем ходить в старой, дырявой обуви. Натянув шапку, он почувствовал себя новорожденным. Подпоясав телогрейку широким офицерским ремнем, он перебросил через плечо полевую сумку и автомат.

– Ну и как? – спросил он сержанта.

– Хорошо, товарищ капитан. Теперь вы похожи на настоящего командира.

– Проверь, бойцы готовы?

Леонтьев повернулся и, прихватив с собой шинель и старые сапоги капитана, направился в сторону куривших солдат.

* * *

Группа Сорокина обошла станцию лесом и, стараясь не шуметь, медленно двинулась в сторону железнодорожных путей, где в техническом тупике стояли с десятков разбитых войной вагонов. Александр подозвал к себе сержанта и, когда тот подполз, прошептал ему на ухо.

– В одном из вагонов должны быть немцы. Я не исключаю, что они одеты в нашу форму. Направь двух бойцов, пусть осторожно «понюхают», что там.

– Есть направить двух бойцов, – также тихо ответил Леонтьев.

Не успел сержант исполнить команду командира, как один из бойцов, передвигавшийся вдоль вагона, замер на месте, а затем поднял правую руку, что означало для всех – «внимание». Солдат рукой указал Сорокину на вагон, из которого еле слышно доносились мужские голоса. Александр махнул рукой, и солдаты быстро окружили вагон. Грачев залег за кучей какого-то ржавого металла и, установив сошки, направил свой пулемет на дверь вагона.

– Без команды не стрелять, – передал он по цепочке.

Капитан передернул затвор автомата и, укрывшись за углом водонапорной башни, громко закричал:

– Сдавайтесь! Вагон окружен! Сопротивление бесполезно! Всем гарантирую жизнь!

Все замерли, ожидая ответа немецких диверсантов. Чувствовалось, что они не ожидали окружения и сейчас решали: сдаваться им или принять бой.

– Сдавайтесь! – снова крикнул Сорокин.

– Кто нам предлагает сдаться? – выкрикнул кто-то из вагона. – Какие гарантии?

– Капитан Сорокин, сотрудник особого отдела армии. Я не агент госстраха, чтобы давать гарантии. Я предлагаю вам сдаться, чтобы спасти свои жизни!

Неожиданно тишину вспорола автоматная очередь. Дверь вагона резко открылась, и из нее полетело несколько гранат. Взрывы, едкий дым загоревшегося вагона и треск автоматных очередей, все слилось в единую какофонию. Пули крошили доски вагона, и казалось, что там уже не могло остаться ничего живого, но это только казалось. Диверсанты дрались отчаянно, хорошо понимая, что они обречены и что в случае их пленения пощады им не будет. Трассирующие пули прижали к земле бойцов Сорокина, не давая им поднять головы.

– Грачев! Прикрой меня! – крикнул он пулеметчику и бросился вперед.

Под прикрытием пулеметного огня Александр медленно пополз к вагону. Когда до него осталось метров тридцать, он сорвал чеку и швырнул гранату в открытую дверь: мощный взрыв разметал диверсантов по вагону. Похоже, он спровоцировал детонацию хранившейся в вагоне взрывчатки. Неожиданно стало тихо, только слышался треск горевших вагонных досок.

– Сержант! Соберите оружие и документы! – приказал Сорокин Леонтьеву. – Проверьте, потери есть?

– Убитых нет, Крылов легко ранен, – доложил тот.

Пока солдаты вытаскивали трупы диверсантов из разрушенного вагона и складывали их вдоль железнодорожного полотна, капитан присел на какие-то разбитые ящики и закурил. Только сейчас он понял, что у него сильно болит раненая нога.

«Не долечил, – подумал он. – Лишь бы не открылась рана».

– Сержант! Сколько диверсантов? – спросил он Леонтьева.

– Семь трупов, – как-то буднично ответил ему тот. – Посмотрите, товарищ капитан, кажется какие-то документы.

Сорокин взял кожаную полевую сумку и открыл ее. В ней находилась карта и несколько машинописных листов бумаги.

– Ну, что там?

– Карта и документы. Потом посмотрю. Все собрали?

Получив положительный ответ, он с бойцами направился к станции. Метров за пятьдесят до нее их остановила группа красноармейцев, бежавших к месту уже закончившегося боя.

– Кто такие? Ваши документы? – спросил Александра молоденький младший лейтенант, держа в руке пистолет.

– Капитан Сорокин из особого отдела армии. Еще вопросы есть?

– Это вы вели бой? – спросил его офицер и рукой указал в сторону догоравших вагонов.

– Да, – коротко ответил ему он. – Ликвидировали диверсионную группу немцев.

Младший лейтенант с нескрываемым восхищением посмотрел на капитана. Ему, выпускнику ускоренных курсов военного пехотного училища еще не приходилось участвовать в боях, и он тайно завидовал тем, кто прошел через них и остался в живых.

– Товарищ капитан, а много было диверсантов?

– Сходите и посмотрите, они все там лежат. Только не забудьте прихватить с собой лопаты, чтобы их закопать.

Бойцы, возглавляемые младшим лейтенантом, побежали дальше, а Сорокин, распустив людей, направился к коменданту станции. Он кратко доложил ему об уничтожении диверсантов и поинтересовался, как ему добраться до штаба армии.

– Какая армия? Какой штаб, Сорокин! Ты что, головой ударился? Не видишь, что творится. Немцы в сорока километрах и вот-вот будут здесь.

– Товарищ комендант, я что-то вас не понимаю! Мне что, так и бултыхаться на вашей станции?

– Почему бултыхаться? Видишь, стоят несколько легковых автомобилей и броневик? Иди туда, это штаб механизированного корпуса. Поговори с ними, может, они тебе что-то подскажут.

Сорокин посмотрел в окно. Около станционной постройки стояли несколько «Эмок».

– Спасибо за совет, товарищ майор, – поблагодарил он коменданта и направился к двери, взяв в руки свою палочку.

– Кстати, возьмите на память, – вернувшись, произнес он и положил на стол перед майором немецкий «Парабеллум».

– Спасибо, капитан. Хороший пистолет мне не помешает.

* * *

Сорокин сидел напротив начальника штаба механизированного корпуса Левченко и рассказывал ему о гибели подполковника Наумова.

– Вот так и погиб он от рук этих диверсантов, – закончил он свой доклад.

– Жалко Ивана Гавриловича, хороший был человек, честный. Он за свою принципиальность пострадал в тридцать восьмом году. Не понравилась тогда генералу Павлову его критика, он и снял его с должности командира корпуса, не дав ему получить звание полковника.

– Теперь куда? – поинтересовался он у Сорокина. – Я смотрю, капитан, ты с палочкой? Не мешает она воевать?

– Нет, товарищ полковник, не мешает, с ней удобнее, – ответил Сорокин и улыбнулся. – Куда? Если честно, то не знаю. Служил в особом отделе 37-ой армии у генерала Власова. Сейчас, вы говорите, он по приказу Сталина, формирует новую 20-ую армию, вот и направьте меня туда.

– Можешь остаться у нас. Наша часть тоже входит в состав этой армии. Ну ладно, уговаривать тебя не стану. Езжай в штаб армии, там и получишь новое назначение. Завтра туда едет майор Захарченко, вот с ним и езжай, а теперь иди отдыхать, капитан. И еще, зайди к нашему военврачу, пусть осмотрит ногу.

Сорокин поднялся с табурета. Сильная боль в ноге заставила его поморщиться.

– Разрешите идти, товарищ полковник?

– Иди и непременно загляни к врачу, я ей позвоню.

Александр вышел из здания и, достав из кармана кусок марли, вытер вспотевший от напряжения лоб. Заметив, стоявшую в стороне машину с красным крестом, он направился к ней. Военный врач, женщина в звании капитана, внимательно осмотрела его рану.

– Рановато вас выписали, товарищ капитан, – произнесла она. – Я бы вас еще подержала в госпитале как минимум недельки две. Сейчас я обработаю вашу рану.

Она быстро набрала в шприц какое-то лекарство и сделала ему укол. Заметив, что Александр поморщился от боли, она усмехнулась.

– Вы тоже из той категории людей, капитан, которые не переносят уколы?

Он хотел ей ответить, но она прервала его.

– Все, все, больше колоть не буду. Вот порошки, попейте с неделью, думаю, что они вам обязательно помогут.

Она быстро перевязала рану и велела одеться.

– Скажите, капитан, это вы уничтожили немецких диверсантов на станции?

– Да, я с солдатами.

– Почему вы решили это сделать сами, с раненой ногой, ведь на станции стоит много воинских эшелонов? Обратились бы к начальству с рапортом, и это бы сделали без вас.

Сорокин улыбнулся и виновато пожал плечами.

– Просто я умею это делать лучше других, товарищ военврач. И всегда считал, что нужно поручать то или иное дело лишь профессионалам.

– Капитан, нужно быть скромнее. Профессионал! А может, вы и правы.

Он вышел из машины и посмотрел на затянутое тучами небо. Редкие снежинки, кружась, медленно падали на землю и моментально таяли в месиве угольной пыли и грязи.

– Капитан! – окликнул его стоявший на крыльце майор. – Сорокин! Подойдите ко мне.

Александр направился к нему, немного прихрамывая на раненую ногу.

– Слушаю, товарищ майор.

– Я – майор Захарченко, а вы, как я понял, капитан Сорокин. Выходит, мы вместе завтра поедем в штаб армии.

– Так точно, товарищ майор.

– У вас есть место для ночлега? – поинтересовался майор.

– Нет, товарищ майор. Я только что из госпиталя.

– Я так и понял. Следуйте за мной, многого не обещаю, но тепло и спирт будут.

Захарченко оказался веселым и словоохотливым человеком. После первого тоста его было уже не остановить: он сыпал анекдотами, как из рога изобилия, вызывая у Сорокина невольные улыбки.

– Вы женаты, Сорокин? – неожиданно спросил он. – Чего молчите? Я так и понял, что мы все здесь неженаты. Может, махнем с вами в санбат? Там такие девчонки – пальчики оближешь?

– Если хотите, то идите, товарищ майор. Я очень устал, и мне бы хотелось немного отдохнуть, да и рана что-то разболелась.

– Ну, смотрите сами, капитан. Не хотите? А я пойду. Кто знает, придется ли завтра пожить так, как живу сегодня.

Он встал и, накинув шинель, направился к двери. Остановившись, он вернулся обратно и, взяв со стола недопитую флягу со спиртом, вышел из комнаты. Сорокин, расстегнув ворот гимнастерки, прилег на топчан и моментально уснул.

* * *

Генерал-майор Андрей Андреевич Власов положил телефонную трубку и растерянно посмотрел на главного врача госпиталя. Он уже три дня находился в полевом госпитале с диагнозом «воспаление среднего уха».

– Мне нужно срочно ехать в Москву, – произнес он. – Меня вызывают в Кремль.

– Андрей Андреевич, вам сейчас нельзя студиться, – произнес главврач, – может возникнуть осложнение.

– Какое осложнение? – удивленно спросил генерал. – Вот, если я не прибуду, тогда будут осложнения и у вас, и у меня.

Он вышел из кабинета врача и направился в свою одноместную палату. После разговора со Сталиным он решил немедленно ехать в Москву. Генерал быстро переоделся и вышел во двор госпиталя, где его ждала служебная автомашина.

– В Москву, – приказал он водителю и стал удобно располагаться на сиденье. Перед ним сел его адъютант, молоденький старший лейтенант, и машина направилась к шоссе, идущему в столицу.

Покачиваясь на сиденье легкового автомобиля, генерал размышлял над тем, что его ожидает в Ставке верховного главнокомандующего. Ничего хорошего от встречи с Сталиным он не ждал, так как аресты и расстрелы генералов, командующих армиями, приобрели какую-то непонятную закономерность. Он невольно вспомнил приказ Сталина в отношении генерала

Павлова, которого обвинили в утере управления частями и дивизиями. На основании этого обвинения он был расстрелян.

«Сейчас все в руках Берии и начальника Главного политуправления РККА Мехлеса. Им кругом видятся измена и предательство. Если угодил в их списки, шансов оправдаться, практически нет» – размышлял Власов. От этих неприятных мыслей, у него окончательно испортилось настроение.

Чтобы как-то успокоиться, он начал вспоминать годы своего становления в армии. Его, сына нижегородского священника, призвали в Красную Армию в самый разгар гражданской войны. Затем была учеба в Академии генерального штаба РККА. Там судьба свела его с Михаилом Блюхером. Вскоре их знакомство переросло в дружбу. Они часто встречались, спорили о роли механизированных корпусов в будущей войне. О том, что она будет, они не сомневались.

Все произошло в одно прекрасное утро. Придя на службу, он узнал, что Блюхер арестован сотрудниками НКВД и в настоящее время находится в следственном изоляторе: легендарного красного командира обвиняют в шпионаже в пользу Германии и Японии. Вслед за Блюхером последовали другие аресты видных военных начальников. Все стали говорить о каком-то военно-политическом заговоре против Сталина. Он как сейчас помнит те дни, каждый из которых был наполнен страхом ареста и расстрела. Однако за ним не пришли. По истечению нескольких лет он так и не смог разобраться в себе: почему он тогда промолчал и не выступил в защиту своего друга?

Перед самой войной его направили в Китай военным советником к Чай Кайши. Тогда ему казалось, что жизнь удалась: он был далеко от Советского Союза, где шла то партийная, то военная чистка. Однако это счастливое затишье продолжалось недолго. Приказом Генерального штаба РККА он был отозван из Китая. Сам Чан-Кайши высоко оценил службу своего военного советника: перед самым отъездом вручил ему Орден Золотого Дракона и, сняв с руки массивные золотые часы, подарил их ему под аплодисменты государственных чиновников и представителей советского посольства.

Эти высокие награды китайского правительства не остались незамеченными генералитетом РККА. Многие знакомые генералы радовались за него, но были и другие, которые не только не скрывали своей зависти, но и пылали ненавистью к нему. При пересечении государственной границы СССР – Китай, когда поезд остановился на станции Алма-Ата, к ним в купе вошли три сотрудника НКВД в штатских костюмах.

– Товарищ Власов? Андрей Андреевич? – обратился к нему один из мужчин, одетый в светлый костюм и шляпу.

– Да, а в чем дело? Кто вы? – поинтересовался он у них.

– Мы из НКВД. Вот мое удостоверение, – произнес мужчина и протянул ему служебный документ. – Я прошу передать нам награды, которые вручил вам Чан-Кайши. Это приказ наркома.

В купе повисла мертвая тишина, прерываемая лишь только стуком колес поезда.

– На каком основании? – возразила жена Власова. – Вы не имеете права...

Мужчина так на нее взглянул, что она сразу же пожалела, что открыла рот. Власов молча снял с полки кожаный портфель, достал из него часы и орден и передал их сотруднику НКВД.

Мужчина, в светлом костюме посмотрел на своих товарищей, и они быстро покинули купе.

– Зачем ты им отдал орден и часы? – спросила у Власова жена. – Они даже документов на изъятие этих вещей тебе не показали.

– Прекрати истерику! Мне и без документов понятно, откуда эти люди. Я не хочу повторить судьбу Михаила Блюхера и умереть в застенках НКВД, как китайский шпион.

Когда он вернулся домой, его ждала хорошая «новость» ему присвоили звание генерал-майора, а затем назначили командующим 99-ой стрелковой дивизии, которая дислоциро-

валась у черта на куличках. Вверенная ему воинская часть славилась в Западном военном округе своей отсталостью.

«За что? – вертелось у него в голове. – За дружбу с Блюхером? За Китай?»

Его долго душила обида, но вскоре он понял, что ничего не может изменить в этой ситуации. Там, в Москве, были люди, которым он не нравился ни своими организаторскими способностями, ни профессиональными. И он приступил к работе, чтобы доказать им всем, что он умеет командовать подразделением. Делал он ее так, как делал всю свою жизнь – поступательно и обстоятельно. Через год его дивизия была признана лучшей в рабоче-крестьянской Красной Армии, и первой среди частей была награждена Орденом Боевого Красного знамени. Сразу же после этого его вызвали в Генеральный штаб и по приказу наркома обороны поручили командование одним из четырех созданных механизированных корпусов.

Генерал открыл глаза и посмотрел на затылок сидевшего перед ним офицера, который что-то говорил водителю, прерывая рассказ громким смехом. Почувствовав взгляд генерала, старший лейтенант замолк и, повернувшись к нему лицом, поинтересовался:

– Товарищ генерал! Может, перекусить хотите, едем уже шестой час?

Власов промолчал. Его беспокоила усиливающаяся боль в ухе, которая отдавала в голову. Он снова закрыл глаза и углубился в воспоминания. Война застала его в старинном городе Львове. Именно там его механизированный корпус оказал мощное сопротивление наступающей по всем фронтам немецкой армии. Измотав передовые части вермахта, корпус с боями стал отходить к Киеву. Он как сейчас помнит свой телефонный разговор со Сталиным.

– Скажите мне, товарищ Власов, почему мы отступаем и так быстро сдаем города врагу?

Тогда ему показалось, что вождь уже знал ответ на этот вопрос и, спрашивая его об этом, хотел услышать подтверждение своего мнения.

– Мне трудно судить об этом, товарищ Сталин. Я плохо владею оперативной обстановкой на других фронтах, но мой корпус готов выполнить любой ваш приказ, если даже нужно будет при этом умереть.

– Главное в вашем ответе – вы и ваши бойцы готовы умереть, чтобы не пустить немцев дальше. Другие же генералы, проявляя трусость в принятии подобных решений, предпочитают отступать или добровольно переходить на сторону противника. Могу сказать, что я доволен вами, вашим мужеством и умением воевать.

В тот же день, после разговора с верховным главнокомандующим последовал приказ Ставки, согласно которому, ему поручалось собрать в окрестностях Киева отступающие воинские части и сформировать из них тридцать седьмую армию и оборонять город.

Власов открыл глаза и попросил у офицера воды. Тот протянул ему стакан и алюминиевую фляжку. Сделав несколько глотков, он вернул все это обратно.

«Похоже, поднялась температура, – подумал он, чувствуя, как его тело начинает трясти. – Не хотелось бы в таком виде предстать перед Сталиным».

Он захотел отвлечься от воспоминаний, но они крепко держали его в своих объятиях: тогда, в условиях неразберихи, паники и предательства, ему удалось не только сформировать армию, но и создать мощную систему обороны Киева. Он хорошо помнил это непростое время, когда на подступах к городу шли ожесточенные бои, а город словно и не замечал этого. В нем кипела вполне мирная жизнь, работали заводы и фабрики, по городу ходили трамваи. Он до сих пор не может понять, кто принял решение об отводе войск из-под Киева.

В ночь на 19 сентября город был оставлен войсками. Немцы моментально воспользовались предоставленным случаем и двумя мощными ударами с флангов замкнули кольцо за отходящими на восток советскими армиями. Это решение Ставки было губительным не только для войск, но и для мирного населения. Ему тогда он сделал то, что не удалось многим генералам: он оказался единственным командармом, который с минимальными потерями вывел из окру-

жения свою армию. Тогда в котле осталось около 600000 солдат и офицеров, которые погибли или были взяты в плен немецкими частями.

Генерал открыл глаза. Машина остановилась на въезде в город: воинский патруль проверял документы.

* * *

Капитан Сорокин дремал, сидя в штабной машине. Иногда он открывал глаза и морщился от приступов боли в ноге. Сегодня утром он обнаружил, что у него открылась рана, которая стала сильно кровоточить.

– Вам, капитан, не повезло с раной, – разминая выкуренную папиросу в металлической банке, произнесла военврач. – Я же вам вчера говорила, что рановато вас выписали из госпиталя. А вы с такой ногой за немцами охоту устроили.

Врач подозвала к себе медсестру и попросила сделать ему укол. Молоденькая девушка в белом халате умело кольнула его в ягодицу, а затем, обработав рану раствором марганца, стала делать ему перевязку.

– Вы, капитан, не обижайтесь на меня, но я бы вам посоветовала вернуться обратно в госпиталь и долечиться. Не дай Бог, занесете в рану инфекцию – гангрена и ампутация конечности.

– Вы меня не пугайте ампутацией, товарищ военврач. Меня дома ждут здоровым и сильным.

– Я вас не пугаю, я вас предупреждаю, Сорокин.

Военврач подошла к рукомойнику, висевшему в углу комнаты. Вымыв руки, она вернулась к столу.

– Выпить хотите, Сорокин? – неожиданно поинтересовалась она у него. – Немного алкоголя вам сейчас не повредит. У меня, если честно, болит голова после вчерашнего застолья, которое организовал майор Захарченко. То ли выпила лишнего, то ли спирт был технический.

Она достала из тумбочки две металлические кружки и, плеснув в них спирт, развела его водой.

– Давайте, капитан, выпьем за нашу победу. То, что она будет, я не сомневаюсь. Единственное о чем я постоянно думаю, это какой ценой она нам достанется.

Они выпили, и Сорокин, достав из кармана папиросы, угостил ими врача.

– Прощайте, вы очень хороший человек. Я сейчас уезжаю в штаб армии. Может, когда-нибудь и встретимся в этой жизни, – прощаясь с ней, произнес Александр.

– Хотелось бы, – тихо ответила она, делая глубокую затяжку, – однако вряд ли. Мне кажется, что эта встреча у нас с вами последняя.

– В каком смысле?

– Самом прямом. Война... – все также тихо ответила она.

– Рано вы меня хороните, – улыбаясь, произнес он. – Рано.

– Я не о вас говорю, а о себе.

Он оделся и вышел на улицу. У здания он увидел майора Захарченко, который стоял около «Эмки», ожидая его.

– Заштопали? – спросил он. – Тогда поехали, дорога длинная, мало ли что.

Сорокин кивнул и, отодвинув в сторону лежавший на сиденье автомат, сел в машину. Майор, не обращая внимания на водителя, начал рассказывать Сорокину, как он провел вчерашний вечер в окружении медсестер.

– Слушайте, Сорокин. Все хочу спросить вас, как вы получили ранение? Расскажите.

Александр посмотрел на него. Если бы его спросил об этом штатский человек, то он бы не удивился. Но когда об этом спрашивает человек, на петлицах которого матово блестят две шпалы, это немного странно.

– Как получил? По-глупости, – ответил Александр. – Это было на Украине. В штаб поступило сообщение, что группа мужчин пилит телеграфные столбы вдоль железной дороги. Взяв с собой солдат, я направился на место обнаружения диверсантов. Когда мы прибыли туда, то никого не обнаружили. Часть столбов была действительно спилена. Путевого обходчика, сообщившего эту информацию, мы обнаружили в будке повешенным на парашютной стропе, что подтверждало уверенность в том, что это дело рук немецких диверсантов. Прочесывать лесной массив силами шести человек было глупо, но я все же решил осмотреть прилегающую к железной дороге местность. Мы построились в две цепочки по три человека с каждой стороны дороги и направлись на восток. Когда мы прошли около двух километров, один из сотрудников обратил внимание на землю под одной из шпал: она была заметно темнее. Это говорило о том, что здесь кто-то недавно копался. Сапер, который входил в состав нашей группы, стал внимательно осматривать это место и вскоре обнаружил под шпалой заряд взрывчатки. Обезвредив мину, мы двинулись по следам, оставленным диверсантами. Через час преследования нам удалось нагнать их: по проселочной дороге ехала телега, на которой сидели три здоровых мужика, на коленях одного из них лежал немецкий автомат.

Сорокин замолчал и поморщился от боли в ноге, которая прострелила все его тело. Он поменял положение, и боль постепенно утихла.

– И что дальше? – произнес майор Захарченко. – Вы взяли их? Чего молчите?

– Нет. Двоих убили, а третий ушел. Я погнался за ним в надежде, что возьму его живым, но, похоже, переоценил свои силы. Мужчина оказался физически хорошо подготовленным. Догоняя его, я споткнулся, зацепившись за корневище, и упал. Пистолет вылетел из руки и отлетел куда-то в сторону. Диверсант подошел и направил на меня пистолет. За секунду я успел проститься с жизнью. Он выстрелил мне в ногу и, усмехнувшись, произнес.

– Ну что, капитан? Думаю, что ты еще долго не будешь бегать. Убивать я тебя не стану: в безоружных людей я не стреляю.

Он повернулся и скрылся в кустах. Я лежал на земле, не веря, что остался живым.

Сорокин замолчал. Майор, сидевший на переднем сиденье, тоже молчал. Каждый переживал эту историю по-своему.

– Вы знаете, капитан, – словно извиняясь перед ним, произнес Захарченко. – Я три месяца на фронте, но не убил ни одного фашиста. Поверьте, но мне стыдно об этом говорить. Стараясь снять возникшую паузу, Александр улыбнулся.

– Не переживайте, майор, ничего страшного, у вас еще все впереди.

Машину сильно тряхнуло, и Сорокин снова поморщился от боли в ноге.

* * *

Александр очнулся в госпитале: как он попал в сюда, он не помнил. Он повернул голову и увидел, что лежит на койке в большой просторной палате.

– Няня! Нянечка! – позвал ее сосед, заметив, что он пришел в себя.

В палату вошла женщина лет пятидесяти и направилась к его койке.

– Наконец-то, – радостно произнесла она, наклонившись над ним.

Она не сразу поняла, чего он хочет, а затем, улыбнувшись ему, приподняла его голову и преподнесла к губам стакан с водой.

– Попей, попей, сынок, – произнесла она ласковым голосом.

Сорокин посмотрел на нее и невольно удивился, как она походила на его покойную мать. Внешнее сходство подкреплял и голос женщины: он был таким же ласковым и нежным. Алек-

сандр сделал несколько глотков и снова впал в забытие. Нянечка поправила одеяло и неслышно вышла из палаты.

Сколько он был без сознания, он не знал. Очнулся он среди ночи. В палате было темно. Где-то в дальнем углу кто-то негромко храпел. Несмотря на закрытое и проклеенное бумагой окно, были слышны глухие выстрелы зенитных орудий. Три дня назад ему сделали повторную операцию. Как сообщил врач-хирург, который его оперировал, ему здорово повезло, так как у него началось нагноение, которое грозило перерасти в гангрену.

– Не спишь? Вот и я не сплю. Никак не могу привыкнуть к тишине, – прошептал ему сосед по койке. – Курить хочешь?

– Хочу, – коротко ответил Александр. – Хочу так, как никогда не хотел.

– Тогда пойдем. В палате курить нельзя, врачи ругаются.

– Не могу. У меня нет костылей, – также шепотом ответил ему Сорокин.

– Это не проблема. Сейчас что-нибудь придумаем.

Сосед исчез за дверью палаты и вскоре вернулся с креслом-каталкой.

– Давай, садись, я быстро домчу тебя до курилки, – полушутя произнес он.

Он помог Сорокину перебраться в кресло и, толкая коляску здоровой рукой, повез его в курилку. Он протянул Александру кисет и лист газеты. Видя, что капитан не может свернуть сигарку, он помог ему. Глубоко затянувшись дымом, он выпустил его в потолок и, повернувшись лицом к нему, произнес:

– Меня зовут Степан, а тебя как?

– Александр Сорокин.

– О том, что ты Сорокин, я уже знаю. Вот имени твоего я не знал, а обращаться по фамилии как-то нехорошо.

Услышав разговор, в курилку вошел дежурный врач в звании старшего лейтенанта.

– А ну, давай по палатам! – в приказном тоне произнес он. – Сорокин, ты только пришел в себя и сразу же курить. Тебе еще рано двигаться.

– Так я практически здоров, товарищ военврач, – в ответ на его слова, ответил Александр. – Нельзя же дважды с одним ранением лежать в госпитале.

– Скажи, Сорокин, спасибо тому майору, который привез тебя прямо сюда, а то мог бы и ногу потерять: пуля задела костную ткань, и в ране оказалось много костных осколков, вот они и беспокоили тебя все это время. Пришлось чистить рану.

– А как же те врачи, которые мне делали операцию до этого? – спросил Александр врача. – Что они, этого не видели?

Врач засмеялся и посмотрел на него.

– Ты что, Сорокин, только родился? Ты не равняй полевой госпиталь с нашим заведением. Ты видел, сколько там раненых и искалеченных. Если видел, тогда не спрашивай об этом. Там главное – человека на ноги поставить и отправить в бой. А сейчас идите в палату. На то и ночь, чтобы люди спали.

Они бросили недокуренные сигарки в мусорное ведро, и Степан повез его обратно в палату. Александр долго лежал на койке с открытыми глазами. Он протянул руку и взял с тумбочки стакан с водой. Где-то далеко по-прежнему ухали зенитки, отражая очередной налет немецкой авиации на Москву. В палату, осторожно ступая, вошла няня. Она прошла по ней, останавливаясь около каждого раненого бойца, поправляя одеяла и прислушиваясь к их дыханию. Около Сорокина она остановилась.

– А ты, что не спишь? – спросила она его. – Тебе как раз и нужно спать. Во сне человек поправляется и набирается сил.

– Что-то не спится. Вот слушаю, как стреляют зенитки, как где-то рвутся бомбы. Вы знаете, я никогда до этого не был в Москве и не мог представить, что окажусь в этом городе во время войны.

– Ничего, сынок. Вот выпишут тебя из госпиталя, тогда и посмотришь Москву. Этот город красив в любое время и даже в войну. Я тебе сейчас валерьяны накапаю, от нее ты быстро уснешь.

Она вышла из палаты и вскоре вернулась с мензуркой, в которой находилась микстура.

– Вот выпей, сынок, – произнесла она.

Она перекрестила его и вышла из палаты. Вскоре он крепко заснул.

* * *

Прошло две с половиной недели его лечения в московском госпитале.

– Сорокин! Тебя к главному врачу! Давай, давай быстрее, – выкрикнул санитар, заглянув к ним в палату.

– Что случилось, Иванович? – спросил его Александр.

– Давай быстрее, там все узнаешь.

Сорокин взял палочку и, немного прихрамывая, направился по знакомому коридору. За последние дни в госпиталь поступило много раненых солдат и офицеров. Лавируя среди коек, расставленных в коридоре, он добрался до кабинета главного врача. Александр уверенно вошел в кабинет, в котором вокруг круглого стола сидели несколько военных, и встал у порога.

– Сорокин? – спросил главный врач, словно видел его впервые.

– Так точно, – произнес Александр.

– Как твоё здоровье? – поинтересовался у него военный, на петлицах которого на темно-синем фоне сверкнули две шпалы, что соответствовало званию капитана.

«Сотрудник НКВД, – подумал Сорокин. – Ведь только они могут ставить вопрос ребром. Попробуй не ответить на этот вопрос положительно».

– Готов к выписке, – отчеканил Сорокин. – Все в руках докторов.

Сотрудник НКВД усмехнулся и посмотрел на врачей, видимо, ожидая от них решения. Те заулыбались в ответ, боясь возразить и тем самым испортить настроение чекиста. Он встал из-за стола и, расправив гимнастерку, сделал несколько шагов в сторону Александра.

– Я приехал, чтобы вручить тебе от лица Главного управления НКВД медаль «За отвагу». Вы знаете, товарищи, – произнес он и повернулся к врачам, – капитан Сорокин лично уничтожил четверых немецких диверсантов, а затем и всю фашистскую диверсионную группу, подготовленную в Германии.

Он обнял его за плечи, а затем приколот к его пижаме медаль.

– Служу трудовому народу, – произнес Александр. – Разрешите идти?

– Далеко не уходи, мне нужно с тобой поговорить, – произнес капитан НКВД.

Александр вышел из кабинета главврача и присел на кушетку. Ждать пришлось недолго: из кабинета вышел капитан и направился к нему. Присев рядом, он сообщил ему о цели своего приезда в госпиталь.

– Сейчас у нас в Главке формируется специальная группа НКВД для борьбы с немецкими диверсантами. Мне поручено передать, что ты назначен командиром этого подразделения.

Это было столь неожиданно, что Сорокин немного растерялся. Заметив это, капитан ободряюще похлопал его по плечу.

– Готов воевать там, куда меня пошлют руководство НКВД и партия, – ответил Александр, стараясь встать с кушетки.

– Да ты сиди, сиди, Сорокин. Другого ответа я от тебя и не ожидал. Долечивайся, а в понедельник мы тебя ждем в Главке. Запомни, моя фамилия Громов. Итак, до понедельника.

Капитан встал и направился обратно в кабинет главврача. А Сорокин еще никак не мог понять, доволен ли он был этим назначением или нет. Проходя по коридору, он зашел

в курилку, где среди группы раненых бойцов сидел Степан. Тот вскочил на ноги и попросил курящих солдат, немного потесниться, чтобы усадить его на лавочку.

– Ну и зачем тебя дергали к главному врачу? Надеюсь, они тебя не выписали из госпиталя?

– Пока не выписали, но в понедельник приказали приступить к службе. Кстати, вот посмотри...

Сорокин протянул руку и раскрыл ладонь, на которой лежала медаль. Она моментально пошла по рукам. Каждый хотел не только внимательно рассмотреть ее, но и приложить к своей груди.

– Поздравляем, Сорокин, – слышалось со всех сторон. – Ты теперь у нас большой человек, орденносец.

Тогда, в 1941 году, вручение правительственных наград было большой редкостью, и многие солдаты еще ни разу не видели подобной медали.

– Слушай, Сорокин, – произнес Степан, – нужно обязательно обмыть награду. Ты посиди здесь, покури, а я мигом слетаю в одно место.

Вскоре он вернулся и, остановившись в дверях, махнул ему рукой. Александр загасил сигарку и направился вслед за ним. Они спустились в подвал и, пройдя лабиринтами, оказались в небольшой комнатке. В ней работал старик-плотник, который изготавливал гробы. В комнате пахло смолой и свежим деревом.

– Давай, доставай, тезка, – обратился Степан к плотнику. – Вот этот хороший человек сегодня получил медаль «За отвагу». Одно слово – герой.

Старик, кряхтя от напряжения, нагнулся и достал откуда-то из-за ящиков бутылку с мутной жидкостью. Разлив по кружкам самогон, он посмотрел на Степана.

– Ну что, мужики, вздрогнем, – произнес он. – Чтобы на нас не надели в ближайшее время вот такие деревянные саваны. Чтобы жили мы до глубокой старости назло всяким там фашистам.

Они стукнулись кружками, и выпили вонючую жидкость. Закуски ни у кого не оказалось и они, достав из карманов кисеты с табаком, быстро скрутили сигарки и закурили. Поблагодарив товарищей за угощение, Сорокин направился в палату.

* * *

Генерал-майор Андрей Андреевич Власов, несмотря на внешнее спокойствие, был сильно взволнован. Он сидел в приемной Сталина и гадал, что его ожидает за дверью кабинета верховного главнокомандующего. Он то и дело бросал взгляд на секретаря, сидевшего за столом, но тот молчал. Генерал взглянул на часы: он около двух часов уже находился в приемной. Наконец, на столе секретаря зазвонил телефон. Тот встал по стойке смирно и снял трубку.

– Да, товарищ Сталин, ждет... – коротко отвечал секретарь, бросая взгляд на окаменевшее лицо Власова.

Положив трубку, он подошел к двери и открыл ее.

– Товарищ Сталин ждет вас, – произнес он, пропуская генерала в кабинет. – Проходите, пожалуйста.

– Здравствуйте, товарищ Власов, – с небольшим грузинским акцентом произнес верховный главнокомандующий, сидя за столом. – Как ваше здоровье? Мне здесь докладывали, что вы заболели во время выхода из окружения. Насколько я знаю, у вас было что-то с ушами?

Власов был в шоке. Ему не верилось, что сам товарищ Сталин знает, что у него было воспаление среднего уха.

– Спасибо, товарищ Сталин, я здоров и готов выполнить любое поручение партии и нашего правительства.

– Другого ответа я от вас и не ожидал. Скажу честно, я за вами наблюдаю уже давно, с момента назначения вас на должность командира стрелковой дивизии. Вы хорошо там поработали. Сделать из отстающей дивизии лучшую часть в РККА может не каждый. Да и 37-ой армией вы командовали вполне уверенно и грамотно.

Власов слушал молча, он не знал, как себя вести с этим человеком. Он не только уважал его, но и боялся. По воле Сталина люди взлетали по карьерной лестнице или бесследно исчезали навсегда. Сейчас, слушая Верховного главнокомандующего, он боялся только одного, что тот вдруг вспомнит о его дружбу с Блюхером.

«Если вспомнит, значит, это конец», – решил он про себя.

Сталин достал из коробки папиросу «Герцеговина Флор» и, размяв ее, высыпал табак в трубку. Он раскурил ее.

– Как чувствует себя ваша супруга? – поинтересовался он у Власова. – Надеюсь, она здорова? Я имею в виду здоровье вашей второй супруги Агнессы Павловны?

Генерал покраснел, словно, был застигнут за чем-то плохим. Дело в том, что он разошелся со своей прежней супругой Анной Михайловной и совсем недавно зарегистрировал новый брак.

– Спасибо, товарищ Сталин, у нее все хорошо.

– Тогда перейдем к делу, Андрей Андреевич. Вы не стойте, присаживайтесь. У нас с вами будет серьезный разговор.

Власов присел на стул и посмотрел на вождя. Тот выпустил клуб дыма и, разогнав его рукой, задал вопрос:

– Как вы смотрите на то, чтобы возглавить новую армию? Вчера мы на Комитете обороны приняли решение о формировании новой 20-ой армии. Я почему-то сразу подумал о вас. Вы знаете, что немцы под Москвой, и мне нужны полководцы, которые умеют воевать с врагом, держа удар.

Он сделал паузу и посмотрел на генерала. Тот сидел и не спускал глаз с хозяина кабинета.

– Не буду скрывать, что мнения членов Комитета обороны были разные, в том числе и диаметрально противоположные, но я смог убедить их в вашем назначении. Я знал, что у вас столько врагов.

Он замолчал и стал выбивать остатки табака в стоявшую на столе пепельницу. Закончив это делать, он посмотрел на Власова, ожидая от него ответа.

– Я не знаю, что ответить, товарищ Сталин, – произнес генерал. – Могу сказать лишь одно: спасибо. Я сделаю все, чтобы оправдать ваше доверие, а враги...

– Хорошо, я понял вас, Андрей Андреевич. Будем считать, что вы получили назначение на должность командующего 20-ой армии. Можете идти, товарищ Власов.

Андрей Андреевич встал со стула и направился к двери. Ему было трудно идти, ноги стали, какими деревянными и не хотели слушаться. Выйдя из кабинета, он облегченно вздохнул.

– Товарищ генерал, получите, пожалуйста, приказ о вашем назначении, – произнес секретарь и протянул ему лист бумаги за подписью Сталина и Тимошенко.

Власов молча взял его и поспешил на улицу.

* * *

Сорокин, прихрамывая на правую ногу, шел по московской улице, поглядывая на нумерацию домов. Он уже около недели командовал группой специального назначения при Главном управлении НКВД СССР. Его подразделение было засекречено, и поэтому они размещались не на Лубянке, а на окраине города. Группа была небольшой, но достаточно мобильной. Един-

ственное, что не радовало Александра – она на восемьдесят процентов состояла из молодежи, не имеющей опыта оперативной работы.

Накануне вечером его пригласили на совещание, которое проводилось на Лубянке. Помимо Лаврентия Берии, там присутствовал и начальник Главного политического управления РККА Мехлис.

– Руководство Ставки обращает ваше внимание на активизацию немецкой агентуры в столице нашей родины, – сказал Берия. – Мы понимаем, что это связано с приближением немецкой армии, однако не могу не отметить неудовлетворительную работу милиции: улицы полны паникеров, распускающих слухи о возможной сдаче Москвы немцам. Распоясались мародеры, которые обворовывают квартиры граждан, выехавших вместе с промышленными предприятиями на восток. Поэтому хочу довести до вас решение Государственного комитета обороны: паникеров, мародеров, воров, задержанных на месте преступлений, расстреливать там без суда и следствия. Думаю, что вы хорошо понимаете, чем продиктованы эти меры.

Берия замолчал. Он взял в руки чашку с холодным чаем, сделал глоток, а затем продолжил:

– Я сегодня разговаривал с товарищем Сталиным. Он поинтересовался, как идет борьба с немецкими агентами, которые каждую ночь ракетами обозначают немецким летчикам объекты для бомбометания. Вы, наверное, уже догадались, какое значение он уделяет этой проблеме. Я еще месяц назад подписал приказ о создании в структуре НКВД, групп специального назначения, которые должны заниматься выявлением и уничтожением диверсионных групп противника. Начальникам отделов принять к исполнению это указание Сталина.

Остальные вопросы совещания обсуждались в узком кругу начальников отделов и управлений. После его окончания Александра пригласил к себе начальник отдела.

– Что скажешь, Сорокин? Вопрос поставлен ребром: или мы с тобой находим эту группу ракетчиков и ликвидируем ее, или руководство наркомата решит этот кадровый вопрос не в нашу пользу. Понял?

– Так точно. Разрешите приступить к работе?

– Конечно. Капитан, найди этих гадов и уничтожь их.

Вернувшись к себе, Сорокин собрал личный состав подразделения. Разбившись группу на пары, они разъехались по местам возможного появления ракетчиков и всю ночь засели на крышах домов, рассчитывая засечь места пуска ракет. Прошло около часа, и в небе загудели немецкие самолеты.

– Александр Михайлович! – громко закричал водитель, сидевший с Сорокиным. – Видите на крыше человека?

– Вижу, – ответил Сорокин и быстро побежал в сторону окна, ведущего на чердак. Вслед за ним бросился и водитель, доставая из кобуры «Наган». Будучи на улице, они увидели, как на крыше соседнего дома что-то хлопнуло, и в небе появилась красная ракета. Через минуту оказались около нужного им подъезда.

– Берем живыми, – приказал Сорокин водителю.

Из подъезда вышел мужчина средних лет. В руках он держал небольшой кожаный портфель. Оглядевшись по сторонам, он что-то крикнул в темноту подъезда и направился по улице.

– Это – твой, – тихо произнес Сорокин.

Водитель с «Наганом» в руке бросился вслед за мужчиной. Прошло несколько томительных секунд, и из подъезда вышел второй человек и направился в противоположную сторону. План задержания возник моментально: Сорокин обогнул дом и вышел ему наперерез. Тот шел, не обращая никакого внимания на одинокого гражданина, который торопливо шел ему навстречу. Когда они поравнялись друг с другом, Александр резко выбросил руку вперед, целясь в лицо диверсанта. Удар получился сильным и неожиданным. Мужчина взмахнул руками и

повалился на землю. Пока он приходил в себя, Сорокин сумел «оседлать» его и связать ему руки за спиной.

* * *

Александр подвел диверсанта к автомашине и увидел водителя, который с «Наганом» в руке сопровождал мужчину с портфелем.

– Вот, товарищ капитан, принимайте эту сволочь, – произнес водитель. – Вы бы только видели, как он визжал и кусался.

Шофер показал ему руку.

– Что у вас в портфеле? – спросил капитан мужчину.

– Не знаю, это не мои вещи, – ответил тот. – Я учитель геометрии в шестьдесят третьей школе.

Сорокин достал из кобуры пистолет и взвел его.

– Есть приказ наркомата внутренних дел: лиц, застигнутых при совершении диверсии, мародерства, распускающих порочающие слухи, а также воров, уличенных в совершении преступлений, расстреливать на месте без суда и следствия.

Мужчина вздрогнул и выронил портфель из рук.

– Посмотри, что там? – приказал Сорокин водителю.

Тот открыл портфель и вывалил его содержимое на землю. Вместе с какими-то записями выпала и ракетница.

– Вот тебе и учитель геометрии, – произнес шофер.

– Теперь посмотри, что у этого в карманах, – снова попросил он водителя, стволом пистолета указав на второго мужчину.

У того в кармане оказался «Браунинг».

– Поставь их к стене, расстреляем прямо на месте.

Мужчина, с ракетницей неожиданно схватился за сердце и стал медленно оседать на землю.

– Подними его, – приказал Сорокин шоферу.

«В кого стрелять? – подумал Александр. – Наверное, в того, что с пистолетом. Вряд ли он сразу «развалится»».

Это был старый и не раз проверенный способ «колки», распространенный среди оперативных сотрудников НКВД. Расстрел на глазах соучастника преступления, вид крови, нагоняет столько страха на человека, что он моментально ломается и начинает рассказывать то, что не рассказал бы в обычных условиях. Но для этого нужно обязательно выбрать того, кто слабее духом.

Водитель с трудом поднял мужчину с земли и прислонил к стене дома. Тот стоял белый как мел. Неожиданно из одной его штанины на землю заструилась влага, но он этого не замечал. Второй диверсант молча взирал на своего товарища, по всей вероятности, презирая его за слабость.

– За совершение диверсии в отношении государства я приговариваю вас к смерти, – произнес Сорокин и выстрелил в мужчину, у которого был пистолет. Пуля угодила в голову, разбросав по стене мозги и кровь. Александр тут же подскочил к другому мужчине и сунул ему пистолет в рот.

– Адрес, где ты брал ракеты? – закричал он ему прямо в ухо. – Говори или убью.

– Я все скажу, только не убивайте меня.

– Говори, сволочь, – еще громче закричал Сорокин, дико вращая глазами. – Говори! Не слышу!

– Улица Солидарности, дом шесть.

Сорокин опустил пистолет и посмотрел на мужчину, который упал на землю. Тело его содрогалось от рыданий. Через мгновение у него началась истерика. Он катался по земле, выкрикивая проклятия в чей-то адрес.

– Дай ему воды, пусть успокоится, – сказал Александр водителю, усаживаясь в машину.

В конце улицы показался наряд милиции. Сорокин вышел из машины и, предъявив им документ, велел забрать труп расстрелянного диверсанта. Посадив в машину второго мужчину, они поехали к себе в подразделение.

* * *

«Вот и улица Солидарности, – размышлял Александр, двигаясь по ней. – Вон тот, по всей вероятности, и будет домом номер шесть».

Прежде чем брать диверсанта, Сорокин решил посмотреть на дом. Ему нужно было определиться, необходима ли будет дополнительная помощь при задержании немецкого диверсанта.

Дом, в котором проживал интересующий его человек, был небольшим, одноэтажным. Во дворе стояла собачья будка, однако на белом пушистом снегу, выпавшем утром, следов собаки не было видно.

– Вы что здесь делаете? – неожиданно прозвучало у него за спиной. – Вы кого там высматриваете?

Александр, моментально сжал ребристую рукоятку пистолета, который находился у него в кармане, и обернулся. Перед ним стоял мужчина, одетый в синюю милиционерскую шинель.

– Ищу родителей своего фронтового друга. А в чем дело, товарищ милиционер?

– Пройдемте со мной – произнес тот.

– Куда я с вами должен пройти?

– В отдел милиции, – настаивал мужчина. – Там и разберемся, кто вы.

Чтобы не привлекать к себе особого внимания, Сорокин направился вслед за ним.

– Вы не отставайте, гражданин, – стал поторапливать его сопровождающий, – не вздумайте бежать.

– Я после ранения и поэтому не могу так быстро следовать за вами, вы уж простите меня.

Сотрудник милиции остановился и, дождавшись, когда Александр поравняется с ним, продолжил путь. Наконец они остановились около двухэтажного здания. Над входной дверью висел выгоревший на солнце красный флаг. Неподалеку стояли два милиционера с винтовками в руках и о чем-то громко спорили.

– Проходите, – предложил Сорокину милиционер и, пропустив его вперед, вошел вслед за ним.

Они оказались в небольшой комнате, в которой стояли два стола. Сотрудник милиции снял шапку и положил ее на стол.

– Садитесь, – предложил он и грузно опустился на стул.

Под тяжестью его тела стул жалобно заскрипел.

– Ну что, служивый, давай, показывай свои документы. Кто ты и зачем здесь оказался?

– А вы, кто такой?

– Я заместитель начальника районного отдела милиции Говоров.

Сорокин достал из кармана документы и положил на стол. Милиционер осторожно взял их в руки и прочитал название подразделения.

– Виноват, товарищ капитан государственной безопасности. Чем могу помочь? – обратился он к Александру, возвращая ему документы.

– Меня интересуют жильцы дома, около которого вы меня задержали.

– В нем уже три месяца никто не живет, товарищ капитан. Может, вы что-то напутали? Там раньше жила семья Ивлевых, но они эвакуировались куда-то на Урал, сейчас дом пустует. Я это знаю, потому что живу недалеко. Не могли ваши люди что-то напутать?

Ответ Говорова заставил Сорокина задуматься.

– Скажите, а нет ли на этой улице дома с таким же номером?

– Есть, товарищ капитан. Он расположен за этим домом, но вход в него с другой улицы, – радостно произнес Говоров. – Я думаю, что именно тот дом вам и нужен.

– А кто там живет?

– Хозяйка – одинокая дамочка: сама живет по другому адресу, а дом сдает квартирантам.

– А сейчас там кто квартирует?

– Не знаю. Я пошлю участкового уполномоченного, он мигом узнает.

– Не нужно, – ответил Сорокин, – мы сами проверим.

– Все понял, товарищ капитан.

Сорокин попрощался и снова направился к нужному дому.

* * *

Дом, а скорее пристрой к нему, оказался довольно старым строением. Он стоял, как-то нелепо покосившись на левую сторону.

«Ему, наверное, лет сто, не меньше» – подумал Сорокин, осматривая его со всех сторон. Двор был пуст. Однако стоило ему подойти чуть ближе к дому, как залаяла большая лохматая собака, выбежавшая из открытых дверей сарая. Занавеска на одном из окон отодвинулась, и в проеме показалось мужское лицо. Через мгновение дверь дома открылась и появилась могучая фигура мужчины. Он чем-то напоминал былинного богатыря – высокий, косая сажень в плечах, крепкая шея.

– Что надо? – спросил он Александра басом. – Что ты здесь трешься с утра?

«Выходит, срисовал он меня еще до того, как меня задержал сотрудник милиции, – сделал вывод Сорокин. – А я так хотел все это проверить без свидетелей, без лишних глаз».

– Здравствуйте, товарищ. Извините, но мне сказали, что тут сдается комната. Это правда?

– Нет. Здесь ничего не сдается, – со злостью в голосе произнес мужчина. – Кто вам об этом сказал?

– Заместитель начальника милиции. Он посоветовал мне обратиться к хозяевам дома.

– Он ошибся, – повторил мужчина. – Уходите отсюда, мне не нравится, когда около моего дома трутся незнакомые люди.

За его спиной показался еще один мужчина. Он выглянул из-за его плеча и быстро скрылся в доме.

– Извините, – произнес Александр и, развернувшись, направился дальше по улице. Мужчина, проводив его взглядом и закричав на лаявшего пса, закрыл дверь дома.

«Выходит, он не один. Интересно, сколько их? – думал Александр, шагая по заметенной снегом улице. – Входить в адрес опасно, диверсантов необходимо брать по одиночке, при выходе на улицу».

Вчера, когда по его приказу было установлено наблюдение за домом, сотрудниками не было зафиксировано прибытие в адрес каких-либо людей, а сегодня утром они уже находились в доме.

«Значит, эти люди могли появиться здесь лишь рано утром, где-то часов в шесть, когда одна из смен уже снялась, а вторая еще не заступила на дежурство. Интересно, кто эти люди?» – размышлял Сорокин.

Он свернул за угол и оказался на небольшой площади, в центре которой стояла группа людей и слушала очередную сводку Совинформбюро. Голос Левитана доносился из динамика,

висевшего на столбе. Сообщалось, что после ожесточенных и кровопролитных боев Красная Армия, оставив несколько городов, отошла на ранее подготовленные рубежи обороны.

«Немцы прут и прут. Похоже, у армии нет сил, чтобы остановить этот натиск, – подумал Александр – Неужели, Ставка приняла решение сдать Москву?»

Кто-то сзади ударил ему по плечу.

– Сашка! Ты, что ли или я ошибся? – произнес до боли знакомый голос.

Он обернулся. Перед ним стоял его школьный товарищ, широко раскинув свои сильные и большие руки, ладони которых чем-то напоминали лопаты.

– Сергей! Какими судьбами? – вскрикнул в этот раз Сорокин и бросился к нему в объятия.

Они долго тискали друг друга, пока Сергей не предложил немного пройтись. Сорокин шел рядом с ним и прикидывал в голове, сколько же лет они не виделись. По его расчету – где-то около пятнадцати лет. Последней их встречей был железнодорожный вокзал в Казани, когда Александр уезжал учиться в школу НКВД.

– Ты давно из Казани? – поинтересовался Александр.

– Давно. Меня призвали в первый же день войны. Окончил ускоренные курсы военного пехотного училища и, получив звание младшего лейтенанта, был направлен сюда. Здесь под Москвой, формируется 20-ая армия.

– Я слышал. Говорят, что командующим вашей армии назначен генерал Власов. Я служил у него, когда он командовал 37-ой армией. Толковый командир, людей бережет.

– А ты, какими судьбами здесь? – спросил Сергей.

– Я здесь по делам службы.

– Может, зайдем куда-нибудь, промочим горло. Придется еще раз увидаться или нет, один Бог знает.

– Извини, Сережа, не могу. Сам понимаешь – служба.

– Жалко, но я все равно рад нашей встрече.

– Мне тоже жалко. Ты лучше проводи до угла, там меня ждет служебная машина.

Они снова, как в детстве, обменялись шутками и направились вдоль улицы.

* * *

Прошло три дня. На столе перед Сорокиным лежали две сводки наружного наблюдения. Теперь он знал, что в доме проживают трое мужчин, двое из которых – военные.

«Кто эти двое? Случайные квартиранты или тоже диверсанты, одетые в советскую военную форму? – размышлял он. – Почему они до сих пор не встали на временный воинский учет?»

Вчера при очередном налете немецкой авиации кто-то снова ракетами указывал на объекты бомбежки, все эти сигналы были осуществлены уже в другом районе города.

Утром его вызвал к себе заместитель начальника отдела контрразведки, и в жесткой форме приказал ему взять немецких диверсантов.

– Сорокин, ты понимаешь, что идет война? Нам не до игр с противником. Ты сам подумай, что будет с тобой и со мной, если они завтра наведут самолеты на объекты особой важности? В лучшем случае нас отправят на фронт, а в худшем – мы с тобой уедем далеко на север. Это хоть понимаешь?

– Я все понимаю, товарищ майор. Хотелось бы выявить всех членов этой группы. Судя по действиям, группа состоит, как минимум из десяти человек. У них есть связь: они точно знают время налетов, а также районы, которые будут бомбить немцы.

Слова Сорокина задели его: он не любил, когда его подчиненные пытались вступать с ним в дискуссию, пытаясь отстоять свою точку зрения. Вот и сейчас он отлично понимал, что

капитан Сорокин прав, что брать этих ракетчиков сегодня было крайне нерационально, но он не хотел переступать через свои давно установленные правила.

– Ты думаешь, что я глупее тебя капитан, и ничего не понимаю в оперативной работе? Да я в органах с начала гражданской войны и многое повидал в этой жизни, и я вот понял, что никогда не нужно спорить со своим начальником. Даю тебе еще два дня. Извини, но больше дать не могу, сам под пятой у руководства.

– Спасибо, товарищ майор, – поблагодарил его Александр, – я постараюсь уложиться в отведенное время.

– Запомни, Сорокин, мудрость – адекватное отражение реальной действительности, которая, к большому моему сожалению, сейчас играет не на нашей стороне.

Александр взял со стола майора сводки наружного наблюдения и вышел из кабинета. Пока он шел по коридору наркомата, ему то и дело приходилось отдавать честь офицерам, и эта процедура стала быстро его раздражать.

«Откуда их столько? – спрашивал он себя. – Людей на фронте не хватает, а здесь...»

Выйдя из здания наркомата, он с облегчением вздохнул. Легкий морозец и ветер заставили его поежиться. Осмотревшись по сторонам, он направился к служебной машине.

– Поехали на базу, – приказал он водителю.

Здание, где размещалась его группа, они стали именовать базой совсем недавно. Это было вызвано тем, что здание, в котором дислоцировалось подразделение, когда-то принадлежало подмосковной продовольственной базе, и специальным решением городского обкома партии было на время передано в управление НКВД. Двор здания был оборудован индивидуальными воротами и круглосуточно охранялся сотрудниками комендантского взвода наркомата.

Машина с Сорокиным дважды просигналив, остановилась напротив ворот. Ворота медленно открылись, словно гигантский рот какого-то чудовища. Легковой автомобиль въехал во двор и замер у входа. Александр вышел из машины и, козырнув часовому, стоявшему у входной двери, вошел внутрь здания. Проходя мимо дежурного, он приказал пригласить к нему в кабинет Храпова Валентина Васильевича, которого назначили его заместителем совсем недавно. Сорокин пока еще не разобрался в этом человеке. Он знал, что тот окончил училище НКВД буквально за месяц до начала войны, был молод, резок, а иногда и заносчив в своем общении с подчиненными.

– Проходи, Валентин Васильевич, – произнес капитан и рукой указал ему на стул. – Вот что, лейтенант, нам с тобой дали всего два дня, чтобы мы до конца разобрались с этой диверсионной группой. Ты понял, два дня! Да не смотри на меня такими глазами. Я попытался возражать, но меня быстро спустили с небес на землю. Сейчас идет война, и каждый день гибнут десятки, сотни людей...

Дверь кабинета неожиданно открылась, и в проеме показалось рябое лицо дежурного по подразделению.

– Закройте дверь! – громко произнес Сорокин. – Я занят!

Дежурный испуганно захлопнул дверь. Храпов удивленно посмотрел на своего начальника. Он впервые услышал, как тот повысил голос на подчиненного.

– Александр Михайлович! Вы же авторитетный товарищ, неужели вы не смогли убедить руководство в том, что мы еще не выявили все связи этой группы?

– Ты знаешь, что заместитель начальника отдела не менее авторитетен, чем я. Авторитет – это один из инструментов подавления инакомыслия, которым он и воспользовался. Давай вернемся к нашим баранам. Что мы имеем на сегодня? Знаем, что в доме проживают три человека, двое из которых одеты в военную форму. Кто они? Чем они занимаются? Мы не знаем.

– Разрешите доложить, Александр Михайлович? – обратился к нему Храпов.

Сорокин молча кивнул.

– Почему не знаем? Знаем кое-что, – улыбаясь, ответил лейтенант. – Хочу доложить, что эти двое военных прибыли в город три дня назад. По документам вроде бы все хорошо, придаться не к чему. Вчера ребята целый день «работали» за ними и выяснили, что один из них – майор, по фамилии Бабочкин – после выхода из дома направился в центр города. Он долго и, как показалось нашим сотрудникам, бесцельно бродил по улицам, а затем вошел в дом номер четыре по Никитскому переулку. Пробыл в адресе около пяти часов, а затем вернулся обратно домой. В дороге ни с кем в контакт не вступал.

– Вы сделали запрос в часть? – поинтересовался у него Сорокин.

– Да. Вот ответ, товарищ капитан: майор Бабочкин действительно является заместителем начальника штаба 342-ого стрелкового полка. Неделию назад он получил тяжелое ранение в грудь и сейчас находится на лечении в госпитале.

– Я что-то вас не понял, лейтенант? Как же тяжелораненый майор мог оказаться здесь, в Москве?

– В этом вся и загвоздка. Я сегодня разговаривал с начальником госпиталя, он сообщил мне, что майор Бабочкин скончался в госпитале три дня назад.

– Погоди, погоди, Храпов. Три дня назад этот майор и появился здесь с документами майора Бабочкина. Быстро они воспользовались документами погибшего офицера.

– Товарищ капитан, нужно срочно связаться с особым отделом 342-ого стрелкового полка.

– Вот ты и свяжись. Узнай, не пропал ли без вести этот майор, а лучше, если ты сам съездишь туда и переговоришь на месте. Что с другим человеком?

– Старший лейтенант Серов Геннадий Павлович. По документам, прибыл в столицу за пополнением. Вчера весь день провел дома и никуда не выходил.

– Где они?

– На шесть часов утра оба были дома, – коротко ответил лейтенант.

– Держите меня в курсе событий, – произнес Сорокин, тем самым, давая понять своему заместителю, что разговор закончен.

* * *

Майор Бекметов, командир стрелкового батальона, попал в плен на второй день войны. Его подразделение за неделю до начала войны было вывезено из города в летние лагеря. Бойцы целыми днями занимались строевой подготовкой и учебными стрельбами. Когда первые бомбы упали на их палатки батальона, выяснилось, что подразделение практически разоружено – лишь каждый третий боец имел винтовку, и самое главное – батальон практически не имел боеприпасов. Первая бомба угодила в склад вооружения и боеприпасов и полностью уничтожила его. Майору удалось собрать остатки личного состава и организовать оборону моста через небольшую речку с болотистыми берегами. Первая немецкая атака была успешно отбита, но из лесочка появились три немецких танка Т-4, которые, не встречая практически никакого сопротивления, как ножом вспороли оборону его батальона. Ни приказы командиров рот, ни кинжальный огонь немецких пулеметов не смогли удержать солдат в наспех выкопанных окопах: солдаты выскочили из укрытий и бросились бежать. Мало кто успел добежать до небольшого лесочка, многие были убиты или, подняв руки, сдались немецким автоматчикам, которые двигались вслед за танками. Майор в какой-то момент понял, что окончательно потерял возможность командовать батальоном. Он выскочил из окопа и побежал навстречу солдатам, размахивая пистолетом.

– Куда? – закричал он во все горло. – Назад! В окопы!

Бойцы бежали, не обращая внимания на своего комбата. Он схватил одного из красноармейцев за рукав гимнастерки, пытаясь остановить. Но тут же отлетел в сторону от удара в

лицо. Он упал и потерял сознание. Майор очнулся оттого, что кто-то расстегивал ворот его гимнастерки и пытался стащить ее с его плеч.

– Ты, что делаешь? – спросил он бойца.

– Хочу снять с вас гимнастерку, товарищ майор.

– Зачем? – запекшимися от жажды губами спросил он его.

– Товарищ майор, я видел, что немцы прямо на месте расстреливают командиров, вот я и хотел спасти вас.

Бекметов оттолкнул от себя руки красноармейца.

– Не трогай меня! Что со мной? Я ничего не помню.

– Не знаю, товарищ майор. Я подобрал вас в поле.

– Помогите мне подняться, – попросил его Бекметов. – Ужасно болит голова и почему-то тошнит, словно съел что-то испорченное.

Боец помог ему подняться на ноги. Он стоял среди молоденьких березок, покачиваясь из стороны в сторону. Земля, словно живое существо, медленно вздымалась и оседала под его ногами.

– Товарищ майор! Давайте я вам помогу переодеться, мало ли что?

– Спасибо, не нужно. Где батальон?

– Нет больше нашего батальона. Вот все, что от него осталось – произнес боец и рукой показал на небольшую группу солдат, сидящих на земле в метрах тридцати от них.

– Это всего-то? – удивленно спросил он красноармейца. – А где остальные? Я не верю, что все погибли.

Боец удивленно посмотрел на него. Через несколько минут Бекметов окончательно пришел в себя. Он оттолкнул в сторону бойца и застегнул ворот гимнастерки. Рука его коснулась кобуры, которая была пуста.

– Стройся, – скомандовал он хриплым голосом.

Красноармейцы построились в шеренгу. Строй получился неровным, но он не обратил на это внимания. На всех у них оказалось всего три винтовки и четыре патрона к ним.

– Направо! – произнес он, хорошо понимая, что командует не боевым подразделением, а кучкой испуганных и деморализованных людей.

* * *

Майор шел впереди группы. Он то и дело прислушивался к нарастающей канонаде, которая громыхла где-то на востоке.

«Не может быть, чтобы немцы так быстро продвигались на восток. А где наши части? Неужели они разбиты, как и мой батальон», – размышлял он.

После захода солнца, они остановились на привал. Ужасно хотелось есть и пить.

– Яшин! – подозвал он одного из бойцов. – Возьми кого-нибудь из солдат, и поищите воду. Наверняка где-нибудь есть ручей. Если заметите немцев, бегом сюда. Понял?

– Так точно, товарищ майор, – ответил красноармеец. – Вы нам винтовку не дадите?

Бекметов молча протянул ему винтовку, а сам сел на землю и уперся спиной в вековую сосну. Он по-прежнему чувствовал себя не очень хорошо и двигался лишь за счет морально-волевых возможностей своего организма. Он не заметил, как задремал. Ему снились дом, жена и ребенок. Он очнулся оттого, что кто-то настойчиво тряс его за плечо. Он открыл глаза и обмер, не в состоянии пошевелить ни рукой, ни ногой: перед ним стоял немецкий солдат и светил ему в лицо фонариком. Заметив, что он открыл глаза, солдат направил на него автомат. Майор повернул голову и увидел своих бойцов, которые стояли с поднятыми вверх руками. Вокруг них толпились эсэсовцы и офицер.

– Ханде Хох! – произнес солдат и громко рассмеялся. Видимо, растерянное лицо русского офицера вызвало у него приступ смеха.

Бекметов молча поднял руки и начал вставать с земли. Эсэсовец ударил его сапогом и, когда он растянулся на земле, снова громко рассмеялся. К Бекметову подошел немецкий офицер и, вытащив из кармана своего кителя носовой платок, протянул его майору. Тот взял его и стал вытирать кровь, которая обильно текла из разбитого носа.

– Спасибо, – произнес он. – Я вам очень признателен.

Как он узнал позже, посланный за водой Яшин наткнулся на немецкий патруль и, не раздумывая, бросил винтовку на землю, поднял руки и направился в их сторону. Это он привел немцев к привалу и сдал всех. Красноармейцев вели ночным лесом недолго, и вскоре они оказались на дороге, по которой непрерывно двигались немецкие части.

– Эй, русские! – кричали проезжавшие мимо немецкие солдаты и швыряли в них сырые яйца и огрызки яблок.

Бекметов шел в середине группы. Он то и дело поглядывал по сторонам, стараясь определить, где они находятся. Наконец, он увидел указатель, прибитый к телеграфному столбу. На фанерке было указано, что до Минска осталось двадцать пять километров. Ему были знакомы эти места, так как он часто выезжал сюда с друзьями поохотиться на уток. Насколько он помнил, сейчас за поворотом должен стоять большой деревянный крест. Когда и кто его установил, никто не знал, но все проходившие мимо люди обязательно останавливались и крестились. Бытовала легенда, что крест помогал путешественникам в дороге.

На востоке заалел восход, и лес моментально проснулся. Запели и защебетали птицы, загудели пчелы.

Дорога повернула налево, и майор увидел трехметровый, почерневший от времени крест, на котором было вырезаны слова «Спаси и сохрани». Солдат, идущий рядом с ним, внезапно споткнулся и упал, растянувшись в пыли. Сопровождающие группу пленных эсэсовцы громко рассмеялись, наблюдая за тем, как тот поднимался с земли. Лицо солдата, покрытое пылью, напоминало чем-то новогоднюю маску какого-то уродца. Воспользовавшись тем, что внимание конвоя было обращено на солдата, Бекметов нырнул в придорожные кусты и бросился бежать, не разбирая дороги. Как ни странно, но за ним никто не погнался: судьба одного человека ничего не решала для рейха.

Вечером, измученный голодом и жаждой, он набрел на одинокий хутор. Он долго наблюдал за домом, стараясь определить, есть кто в избе или нет. Наконец, дверь дома открылась, и из него вышел мужчина в белой рубашке. Он прошел в хлев, откуда доносилось голодное мычание коровы. Пока мужчина находился там, майор успел сделать две короткие перебежки и оказался рядом с плетнем. Он упал в высокую траву и стал ждать, когда мужчина выйдет. Ждать пришлось недолго: тот вышел во двор, держа в руках вилы.

– Отец! Ты один? – спросил его Бекметов. – В доме немцы есть?

От неожиданности мужчина выронил вилы. Он со страхом посмотрел на плетень, из-за которого доносился мужской голос.

– Кто ты? – спросил он дрожащим от напряжения голосом. – Выходи, а то я тебя вилами.

Он поднял их с земли и направился к плетню. Майор встал в полный рост.

– Я тебя, отец, спросил, ты один в доме? – снова задал ему вопрос Бекметов. – Что молчишь?

– А кому еще здесь быть? Дочка перед войной поехала в Минск и не вернулась, а баба вот уже месяц лежит, не встает.

Офицер быстро перемахнул через изгородь и подошел к старику.

– Отец, дай мне что-нибудь поесть, а то я вторые сутки без еды и воды.

– Пойдем, так и быть, накормлю, – произнес старик и, повернувшись, направился в дом.

Бекметов с жадностью набросился на холодную картошку, которую хозяин поставил на стол. Пока он ел, старик вышел из комнаты в сени. Майор допил из кринки молоко и ладонью вытер губы. Раздался скрип открываемой двери: в комнату вошел старик, сжимая в руках винтовку.

– Руки подними! – произнес он ровным голосом, в котором чувствовалась решимость.

– Ты что, старик, с ума сошел? – сказал майор и посмотрел на лежавший на столе нож. – Я сейчас уйду. Спасибо тебе за пищу.

– Подними руки, краснопузый! – уже другим тоном произнес старик. – Подними, а иначе застрелю! Больше повторять не буду!

Бекметов схватил со стола нож, но сильный толчок в плечо отбросил его к стене. Из раненого плеча заструилась кровь. Скрутив майора, старик вывел его во двор, где уже стояла запряженная в телегу лошадь.

– Садись, – приказал он ему.

Повалив его в телегу, старик стеганул лошадь по крупу, от чего та вздрогнула и понеслась по дороге в сторону Минска.

* * *

Концлагерь, в который попал Бекметов, находился на окраине Минска. От лагеря до его дома было недалеко, и он каждый день внимательно вглядывался в лица женщин, которые бросали через забор из колючей проволоки вареную картошку и куски хлеба, стараясь увидеть среди них свою жену. Однажды ему показалось, что к забору подошла она. Он бросился к ней, но это оказалась совсем незнакомая женщина.

– Гражданочка! Вы местная? Я жил здесь недалеко. Улица Коммунаров, дом девять, квартира два. Моя фамилия Бекметов. Передайте жене, что я жив!

Женщина хотела бросить ему картофелину, но очередь немецкого автоматчика, остановила эту попытку. Она уронила на землю кошелку и бросилась бежать. Через минуту она исчезла среди развалин. Вечером его вызвали к коменданту лагеря. Бекметов в сопровождении солдата вошел в административное здание, на котором развевался черно-красный флаг. Комендант, мужчина средних лет с большими залысинами на покатам лбу, что-то сказал солдату и тот вышел из помещения.

– Здравствуйте, майор, – поздоровался с ним немец, на чистом русском языке. – Насколько я знаю, вы родом из этого города, и здесь проживают ваша жена и дочка. Это правда?

Бекметов вздрогнул: откуда этот немец мог узнать об этом, ведь в лагере содержится более тысячи военнопленных.

– Почему вы молчите, майор? Ведь это легко проверяется. Может, вам еще что-то рассказать, чтобы вы поверили, что мы все знаем о вас и вашей семье?

Майор молчал. Он смотрел на фотографию, которая лежала на столе коменданта. Он сразу узнал ее: там были изображены он, жена и дочка.

– Сейчас сюда зайдет капитан Мозе. От него зависит не только ваша жизнь, но и жизнь вашей семьи. А вот, кстати, и он, – произнес комендант.

В кабинет вошел немецкий офицер в серо-зеленой форме. Несмотря на то, что он был молод, голова его была абсолютно лысой. Офицер прошел мимо Бекметова и сел на стул спиной к окну. В кабинете возникла небольшая пауза, которая была вызвана тем, что вошедший капитан стал читать его личное дело. Наконец, он отложил его в сторону и посмотрел на майора.

– Ходить кругами я не буду, Бекметов, – произнес он. – Предлагаю вам встать на сторону победителей.

Майор улыбнулся. Заметив его усмешку, немецкий капитан тоже улыбнулся.

– Я все понимаю, – саркастически произнес немец. – Вы не верите в нашу победу? Я правильно вас понял, майор?

Тот промолчал. Он не спешил с ответом, так как хотел узнать, чем располагает этот лысый немец. Офицер достал из кармана галифе портсигар и положил его на стол. Достав сигарету, он пододвинул его майору.

– Угощайтесь. Давайте, я зайду с другой стороны: я предложу вам жизнь в обмен на сотрудничество. Ваш отказ приведет к тому, что мы будем вынуждены уничтожить вас и вашу семью. Я думаю, что вы сделаете правильный выбор, тем более ваша жена и дочь находятся в соседней комнате, и вас отделяет от них лишь стена. Решайтесь.

На лбу майора появилась испарина. Со стороны было видно, что ему очень трудно принять какое-либо решение.

– Я жду ответа, – тихо произнес капитан Мозе.

Он привык к этим психологическим кризисам, охватывающим человека после подобного предложения, так как хорошо знал цену предлагаемого им предательства. Он не любил потенциальных предателей, которым было абсолютно все равно кому служить. Хороший агент бывает из тех, кто знает, что может произойти в случае его измены. Сейчас перед ним сидел именно такой человек, который может сделать то, что никогда не сделает рядовой предатель.

– Я жду, – настойчиво произнес капитан.

– Я согласен работать на немецкую разведку.

Капитан встал со стула и, взяв со стола бумагу, протянул ее Бекметову.

– Подпишите вот здесь, – произнес он и ткнул указательным пальцем в строку, где было написано «подпись и число».

Майор взял ручку и подписал бумагу.

– Можете поговорить с женой. Она в соседнем кабинете, – произнес Мозе, складывая в папку его расписку. – Завтра вы уедете в разведшколу, а сейчас идите, она вас ждет.

Через два месяца майор перешел линию фронта в районе Великого Новгорода. Переход был довольно легко осуществлен, так как там не было сплошной линии обороны ни у немцев, ни у русских.

* * *

Вместе с ним перешел линию фронта и его напарник, Серов Геннадий Павлович. Была ли это настоящая его фамилия, Бекметов не знал. Они быстро добрались до райцентра и остановились на явочной квартире.

– Что с документами? – поинтересовался у хозяина Бекметов. – Мне нужны подлинные документы, а не эти немецкие подделки, с которыми опасно появляться даже в вашем захолустном городишке.

– Не гони лошадей, майор. Как только, так сразу, – ответил хозяин дома. – Такими документами на базаре не торгуют.

Майору не понравился хозяин дома. Еще там, находясь за линией фронта, он был проинформирован инструктором из Абвера, что хозяин явочной квартиры дважды привлекался к уголовной ответственности за кражу государственного имущества и провел в сталинских лагерях около пятнадцати лет. Майора выводили из себя этот блатной его жаргон и наплевательское отношение к правилам конспирации.

– Ты по-русски разговаривать разучился? – раздраженно спросил Бекметов.

– А ты кто такой, чтобы задавать мне подобные вопросы? «Мусор»? Прокурор? Это мой дом и я здесь хозяин, поэтому как хочу, так и разговариваю. Я кадетских корпусов не заканчивал, и у меня в детстве не было гувернеров. Я вас здесь не держу: не нравится, валите отсюда.

Бекметов промолчал. Он отвернулся и посмотрел в окно. Во дворе, бросаясь на женщину, лаял крупный пес, звеня металлической цепью.

– У нас гости, – произнес майор, обращаясь к Серову.

Он достал пистолет и, положив его на стол, прикрыл полотенцем. В прихожую вошла женщина. Сняв с головы шерстяной платок, она села на лавку. Из комнаты вышел хозяин дома и махнул ей рукой. Женщина с интересом посмотрела на военных и прошла вслед за ним. Вскоре она вышла и, накинув платок на голову, молча покинула дом.

– Кто такая? – спросил Бекметов хозяина дома.

– Много будешь знать, плохо будешь спать, – ответил хозяин.

Он сел за стол и подозвал к себе майора.

– Вот тебе настоящие документы. Этот майор умер сегодня ночью в военном госпитале.

Хозяин пододвинул ему стопку документов. Бекметов взял их в руки и стал внимательно изучать: документы принадлежали майору Бабочкину, заместителю начальника штаба 342-ого стрелкового полка. Среди документов он обнаружил письмо жены погибшего офицера. Развернув треугольник, он начал читать. Внутри него что-то щелкнуло. Не дочитав письмо, он отложил его в сторону. Ему было стыдно читать чужое послание, в котором далекая и незнакомая женщина писала мужу о любви.

– Ну и как ксива? – поинтересовался хозяин. – Ты только посмотри, что тебе принесли. Немцам никогда такие бумаги не сделать!

– Не знаю. У них тоже есть неплохие специалисты.

– Что же ты в Москву направляешься не по их документам? Можешь не отвечать, я и так все понял.

Вечером, когда стемнело, Бекметов и Серов покинули явочную квартиру и направились в сторону железнодорожной станции. Через двое суток они уже были в Москве.

* * *

Сорокин сидел за столом и занимался анализом поступающей от сотрудников информации. Прочитав очередную сводку наблюдения, он отложил документ в сторону. Через несколько секунд он вернулся к нему и быстро нашел нужное место.

«Майор Бабочкин вышел из адреса по Никитскому переулку и неторопливым шагом направился в сторону метро. Несмотря на внешнее спокойствие, в его походке ощущалось скрытое напряжение. Он то и дело поглядывал по сторонам, словно искал кого-то. Остановившись на перекрестке, он снял шапку и, достав носовой платок, вытер им лоб».

«Это условный знак! – решил Александр. – Но кому он был адресован?»

Он снова перечитал этот абзац, стараясь не пропустить ни одного слова.

«Кто из сотрудников группы готовил эту сводку?» – подумал он.

Он перевернул лист: на обратной стороне была указана фамилия исполнителя – Виктор Никитин.

«Сейчас вызову этого сотрудника и переговорю с ним. Может, он что-то вспомнит?» – решил Сорокин и, подняв трубку, попросил дежурного разыскать Никитина.

Пока дежурный искал его, он продолжил чтение.

«Постояв с минуту, объект наблюдения перешел улицу и проследовал к метро. Сев в электричку, он доехал до станции Комсомольская. Выйдя из метро, он прошел в камеру хранения Казанского вокзала. Предъявив квитанцию, он получил чемодан коричневого цвета. Чемодан был большим и тяжелым. Приоткрыв крышку, он заглянул внутрь багажа. Убедившись в сохранности вещей, он закрыл замки чемодана и сдал его обратно».

«Что за багаж? – подумал капитан. – Во всех предыдущих сводках не было никакой информации о том, что он сдавал багаж в камеру хранения. Может, он положил его раньше,

когда мы ничего о нем не знали. Не исключено, что багаж мог сдать кто-то другой, а ему передали квитанцию. Если это так, то квитанцию могли передать лишь в установленном нами адресе, в Никитском переулке, ведь других контактов не зафиксировано».

Сорокин подчеркнул слово «чемодан» и поставил жирный знак вопроса. На полях документа он написал для себя – «необходимо проверить содержимое чемодана». Через минуту в дверь постучали, и Никитин вошел в кабинет.

– Товарищ капитан... – произнес он, но заметил, что начальник махнул ему рукой и указал на стул.

Когда он присел на стул, Сорокин задал интересующий его вопрос:

– Никитин, это ты вчера «работал» за этим майором?

– Так точно, товарищ капитан. Почему вы меня об этом спрашиваете? Вы недовольны моей сводкой?

– Я не об этом. Ты пишешь, что майор остановился на перекрестке и, сняв шапку, вытер платком лоб. Скажи, Никитин больше ты ничего не заметил? Я считаю, что это был условный знак, который адресовался кому-то из его связных. Постарайся вспомнить все до мельчайших подробностей. Может, кто-то стоял на другой стороне перекрестка? Или что-то еще? Ты понял меня?

Никитин, молодой парень, бывший курсант первого курса пехотного училища, сморщил лоб, стараясь вспомнить. Он закрыл глаза. Его лицо в это время напоминало лицо ученика начальных классов, который пытался вспомнить заученное, но внезапно забытое им стихотворение.

– Ничего не получается, товарищ капитан, – виновато произнес он. – Я ничего особенного тогда не заметил, а иначе бы написал об этом в рапорте.

– Раз нет, значит, нет, – разочаровано ответил Сорокин. – Свободен, Никитин.

Тот вышел из кабинета, а Александр достал из пачки папиросу и закурил.

«Завтра – крайний день, – подумал он. – Хорошо, если кто-то из них имеет связь с резидентом, а если связь только через почтовый ящик, которого мы не знаем?»

В дверь кабинета постучали.

– Войдите, – громко произнес капитан.

В дверях стоял Никитин.

– Что случилось? – спросил у него Сорокин. – Чего молчишь?

– Вспомнил, товарищ капитан. Мне тогда показалось, что майор смотрел на девушку, которая стояла около дверей магазина. Я знаю эту продавщицу, она работает в этом магазине около года.

– Откуда ты ее знаешь? – спросил его несколько обескураженный Сорокин.

– Она дружила с моим товарищем по училищу. Зовут ее Соня.

– Почему ты считаешь, что это был жест в ее сторону?

– Я увидел ее и хотел поздороваться, но она, заметив жест майора, моментально скрылась в магазине. Может, я ошибаюсь, но мне так показалось.

Александр строго посмотрел на Никитина.

– Почему ты это не отразил в своей сводке?

– Я не обратил на это внимания, но после нашего разговора я решил доложить вам об этом.

Никитин покинул кабинет, оставив своего командира в глубоком раздумье.

«Итак, теперь мы предположительно знаем, кому адресовался условный жест майора, но что это меняет? Мы пока не знаем, что он означает. А если Никитин ошибся? Девушка его товарища по училищу – немецкая связная? Нужно «повесить» за ней хвост и посмотреть, с кем она связана, но где взять людей для этого?»

Он снял телефонную трубку и попросил дежурного соединить его с заместителем начальника отдела.

– Товарищ майор, это Сорокин. Разрешите доложить?

Получив согласие, он подробно проинформировал своего начальника об оперативных работах его группы. В заключение доклада он попросил, чтобы ему разрешили до конца разработать эту группу Бекметова-Серова. На том конце провода повисла тишина.

– Не знаю, что тебе сказать, Сорокин, – произнес майор. – Я сейчас пойду, доложу руководству, а потом свяжусь с тобой.

В трубке послышались гудки отбоя. Александр положил трубку и взял в руки очередной документ.

* * *

Старший лейтенант Серов Геннадий Павлович сидел в поезде метро. Поезд то ускорял, то замедлял свой бег, стуча чугунными колесами на стыках рельс. Серов возвращался после встречи со связным. Он повернул голову вправо и увидел молодого парня в сером осеннем пальто и шапке, стоявшего около выхода из вагона. Занятая им позиция позволяла ему следить за входящими и выходящими пассажирами. Этот молодой человек шел за ним три квартала, а теперь, стоя в дверях, наблюдал за его отражением в окне.

Серов встал с сиденья и направился в дальний конец вагона, где находился еще один выход из него. Поезд остановился. Старший лейтенант, расталкивая локтями встречных пассажиров, устремился к эскалатору. Встав на него, он оглянулся, стараясь отыскать среди пассажиров знакомое лицо своего преследователя. Наконец, он увидел его. Парень стоял на эскалаторе в метрах двадцати ниже него.

«Слежка, – со страхом подумал Серов. – Где же я мог проколоться?»

Офицер решил провериться и, выйдя из здания метро, резко свернул в узкий переулок. Парень в сером пальто неторопливой походкой прошел прямо по улице, не обращая внимания на стоявшего в переулке Серова.

«Слава Богу! – облегченно выдохнул тот. – А я думал, что он следит за мной!»

Чтобы окончательно успокоиться, он вышел из переулка и направился вслед за парнем, но тот словно растворился в воздухе.

«Нервы. Серов, нервы, – усмехнулся он. – Пуганая ворона и куста боится».

После перехода линии фронта он стал часто испытывать чувство страха. Ему казалось, что каждый попадавшийся навстречу прохожий знает, что он работает на немецкую разведку. Вот и сейчас, шагая по московской улице, он корил себя за испытанный страх. Остановившись, он бросил окурки папиросы в снег и перебежал на другую сторону улицы.

– Ваши документы, – потребовал у него сержант, старший военного патруля, который неожиданно вышел из-за угла дома.

Серов расстегнул пуговицу шинели и достал документы. Сержант взял в руки офицерскую книжку и начал читать его фамилию. Он забавно шевелил губами, что вызвало у старшего лейтенанта невольную улыбку.

– Что вы улыбаетесь? – спросил его сержант. – Я на клоуна похож?

– Что за вопросы, товарищ сержант? – рассердившись, спросил Серов. – Вам не кажется, что я старше вас по званию? Не забывайте сержант, что Родина доверила вам охранять ее, а не приставать без причин к фронтовикам.

– Извините, товарищ старший лейтенант, – произнес сержант, возвращая документы, – вы правы. Можете следовать дальше.

Серов негромко выругался вслух и направился по улице. Заметив ехавший по ней автомобиль, он выскочил на дорогу и стал махать руками.

– Тебе что, жить надоело? – закричал водитель, выбираясь из кабины. – Не посмотрю, что ты старше меня по званию...

– Помоги, братишка! В часть опаздываю! Подвези!

Водитель посмотрел на раскрасневшееся, возбужденное лицо офицера и махнул рукой.

– Давай, садись, – предложил он ему.

Добравшись до станции метро, Серов выбрался из автомашины. Он сразу заметил нужного ему человека: тот стоял недалеко от кассы, держа в руках небольшой коричневый чемодан. Заметив офицера, мужчина подошел к нему и протянул руку.

– Здравствуй, лейтенант! Ты опоздал на пять минут, – произнес незнакомец. – Вот возьми, здесь в чемодане десять килограммов тротила. Надеюсь, ты знаешь, как им пользоваться.

Серов улыбнулся. В тридцать восьмом году он окончил военно-инженерное училище, и пользоваться взрывчаткой мог как никто другой.

– Детонаторы, таймер? – спросил он незнакомца.

– Все там, – ответил тот и, улыбнувшись, растворился в толпе пассажиров.

Серов спустился по эскалатору и стал внимательно осматривать помещение станции. Вокруг него сновало множество людей: все куда-то спешили, и никто не обращал на него никакого внимания. Он отошел в сторонку и приоткрыл крышку чемодана. Он извлек из тряпочки детонатор и вставил его в отверстие взрывчатки.

«Все хорошо, – успокаивал он себя. – Ты же видишь, что никто не смотрит на тебя. Успокойся Геннадий. Сейчас установишь таймер на десять минут, сунешь чемодан в нишу и спокойно покинешь этот «муравейник». Через десять минут здесь ничего не останется».

Он хотел установить стрелку таймера, но кто-то сзади навалился на него. Ему стало трудно дышать. Он попытался сбросить с себя напавшего мужчину, но сильная боль в предплечье не дала возможности это сделать. Он захрипел от отчаяния, так как сразу понял, что произошло.

* * *

Серов лежал на нарах в камере и отрешенно смотрел на небольшое зарешеченное окно, которое находилось практически на уровне потолка. Он был подавлен, хорошо осознавая, что его ожидает в ближайшие часы. У него сильно болела левая рука. Травма, полученная при задержании, не давала возможности спокойно лежать, и поэтому он всю ночь провел без сна. Он пошевелил здоровой рукой, но даже это движение вызвало у него сильную боль в предплечье.

«Наверняка сильный вывих, а может, даже и перелом, – подумал он. – Как же я не заметил этого бугая, который буквально терся около меня последние пять минут».

Он с трудом встал с нар и начал ходить по камере. Семь шагов в длину, четыре шага в ширину, это было все его жизненное пространство, предоставленное органами НКВД. Вчера, во время первого допроса, он попытался отрицать свою связь с немецкой разведкой, отлично понимая, что был взят с поличным во время установки взрывного устройства.

– Гражданин следователь, я не немецкий агент, я вор. Вот «свернул угол» у одного гражданина. Откуда я мог знать, что в нем взрывчатка? Я просто хотел открыть чемодан и посмотреть, что в нем.

– Откуда на вас форма старшего лейтенанта?

– Я ее тоже увел. Я же вор: что плохо лежит, то все – мое.

Следователь невольно улыбнулся: это была давно известная форма защиты – взять на себя другое, менее тяжелое преступление.

– Может, вам и майор Бабочкин не знаком?

– Нет. Я впервые слышу эту фамилию, гражданин следователь. Он что, тоже вор?

Неожиданно зазвонил телефон, стоявший на столе. Следователь поднял трубку. Уже через минуту он сложил все документы в сейф и попросил конвой отвести арестованного в камеру.

Раздался лязг открываемой двери. Геннадий Павлович замер и с опаской посмотрел на вошедшего сотрудника охраны.

– Серов! На выход, – скомандовал конвоир.

Он послушно вышел из камеры и повернулся лицом к стене. Узкий длинный коридор почему-то напомнил ему здание Минского гестапо. Там был такой коридор, стены которого, как и здесь были выкрашены зеленой краской.

– Пошел! – произнес конвоир и толкнул его в спину рукой.

Его привели в кабинет, на окнах которого, как и в камере, была кованая решетка. За столом сидел мужчина лет тридцати пяти, одетый в гражданский костюм темно-серого цвета.

– Садитесь, Серов, – произнес он. – Я хочу с вами поговорить.

Тот осторожно присел на привинченный к полу стул, который стоял посреди кабинета.

– Я – капитан НКВД Сорокин, – представился ему мужчина. – Расскажите, как вы встали на путь предательства? Когда и при каких обстоятельствах вас завербовали?

– Я уже вчера все рассказал следователю. Ничего дополнительного сообщить не могу, – ответил арестованный. – Вы меня с кем-то путаете, гражданин начальник. Вор я, вор!

– Не нужно шуметь, Серов. Вы находитесь во внутренней тюрьме НКВД и можете кричать, биться головой о стену, вас все равно никто не услышит. Лучше расскажите все чистосердечно, это спасет вас от допросов с пристрастием. Врать тоже не стоит, здесь работают неглупые люди, а все, что вы расскажете, будет тщательно изучено и проверено.

Старший лейтенант засмеялся. Ему явно было не до смеха, но он все продолжал играть в разбитного и бесстрашного вора.

– Гражданин капитан, меня не надо пугать. Я знаю, что меня ожидает, и поэтому смирился с мыслью о смерти. Если хотите, чтобы я вам все рассказал, угостите меня папиросой и накормите нормальной пищей, а не этим пойлом. Ужасно хочется курить.

Сорокин протянул ему пачку папирос и спички. Арестованный взял одну и закурил. Он закрыл от удовольствия глаза и выпустил струю дыма в потолок.

– Спрашивайте, я готов отвечать – произнес Серов.

– Я уже задал вам вопрос. Расскажите, как вы встали на путь предательства?

Арестованный откашлялся и, взглянув на сидевшего в углу стенографиста, начал рассказывать:

– Я служил командиром саперной роты в 12-ой армии, которой командовал генерал-лейтенант Понеделин. Я не буду говорить об этом человеке, вы наверняка хорошо знаете, что до этого он служил начальником штаба Ленинградского военного округа, а с марта 1941 года был назначен командующим 12-ой армии. За заслуги перед государством он был награжден Орденом Ленина и двумя Орденами Красного Знамени. Мы гордились своим командармом и считали, что он является одним из лучших военных начальников РККА.

– Давайте, Серов ближе к делу. Я достаточно хорошо знаю биографию этого предателя, который добровольно перешел на сторону немцев.

– Хорошо, гражданин капитан. Вы сами-то знаете, что такое окружение? Наверное, нет. Чтобы это понять, нужно побывать там, в этом окружении. Нас били с фронта, с тыла, и тогда нам всем казалось, что выхода из этой ситуации нет. Вот тогда у меня впервые и возникло желание выжить в той мясорубке. Солдаты моей роты, уже не таясь и не опасаясь сотрудников особого отдела, стали поговаривать о добровольной сдаче в плен. Этому способствовали и листовки-пропуска, которые немцы ежедневно сбрасывали с самолетов. В них листовках

немцы сообщали нам, что взяли Минск, Гомель, Бобруйск, что армии отступают по всем фронтам. Я тоже подобрал листовку и сунул ее в карман гимнастерки.

Однажды меня вызвал к себе командир батальона и приказал моей роте, а вернее тем, кто в ней остался в живых, взять под охрану армейский командный пункт. На следующий день мы снялись с места и двинулись на восток. Впереди идущие подразделения вступили в бой, стараясь прорвать немецкие позиции и выйти к своим частям. В какой-то миг мне показалось, что им это удалось, но вдруг налетели немецкие самолеты, которые моментально рассеяли их. Следующие сутки прошли в тяжелых оборонительных боях. Немцам удалось потеснить наши полки и занять целый ряд господствующих высот, с которых они начали непрерывно обстреливать наши позиции. Однажды утром я не досчитался половины своих бойцов, которые ночью, под покровом темноты, добровольно сдались немцам. Меня вызвал к себе начальник особого отдела, майор Метелин и стал допрашивать, обвиняя меня в пособничестве предателям. Я тогда не выдержал и высказал все ему в лицо. Меня арестовали и вечером должны были расстрелять перед строем. Спас мне жизнь командующий армии, который проходил мимо конвоя, ведущего меня на расстрел.

– Кто такой? – спросил он меня. – Дезертир?

– Нет, товарищ генерал-лейтенант. Меня обвиняют в том, что я не смог уследить за своими бойцами, которые сдались немцам. Считаю предъявленное мне обвинение незаконным.

– Это почему? – изумленно посмотрел на меня командарм.

– Тогда почему вас не арестовал Метелин? Вы ведь тоже виноваты в том, что мы оказались в окружении и ваши бойцы добровольно сдаются в плен.

Генерал усмехнулся и повернулся лицом к заместителю начальника особого отдела армии.

– Майор! – окликнул он его. – Я отменяю ваш приказ. Идите и доложите своему начальнику, что если мы будем расстреливать каждого командира по факту дезертирства его бойцов, то у нас скоро некому будет командовать солдатами.

– Но, товарищ командующий ... – хотел возразить ему тот. – Есть приказ Ставки...

Но генерал так посмотрел на майора, что он моментально замолчал.

– Развяжите лейтенанту руки, – приказал он конвою, пропустив мимо ушей реплику майора.

Мне развязали руки, и генерал приказал следовать за ним. Вечером, когда стемнело, он велел мне сопровождать его. Я и еще два офицера связи направились вслед за ним. Мы шли ночным лесом около часа. Наконец генерал остановился и взглянул на нас.

– Товарищи офицеры, я решил сдаться, – спокойно произнес он. – Это мое личное решение, и вы сейчас можете или пойти со мной, или остаться здесь. Я считаю, что наше сопротивление немецким войскам приведет к гибели армии. Кто со мной? Лейтенант, вы со мной?

Я молча кивнул. Один из офицеров попытался достать из кобуры пистолет, но мы его быстро разоружили. Через полчаса мы наткнулись на немецкий патруль. Вот так я и угодил в немецкий плен. Гражданин капитан, дайте мне еще папиросу.

Сорокин пододвинул ему пачку папирос и спички. Серов закурил и, посмотрев на стенографиста, продолжил свой рассказ.

* * *

– Серов, давайте отбросим всю лирику переживаний. Меня интересуют лишь факты, сказал Сорокин.

– Все понял, гражданин начальник. Постараюсь говорить лишь о главном. Я ничего не скрывал и все рассказал немцам, но они без меня все это знали. После допроса меня повели

обратно в камеру. Путь проходил через внутренний двор Минской тюрьмы. В это время три офицера гестапо расстреливали там евреев. Один из них остановил меня и протянул пистолет.

– Стреляй, – приказал он, а сам отошел в сторону.

– Я не могу, – ответил я, – я не палач.

Офицер что-то сказал солдатам и те быстро поставил и меня в один ряд с евреями. Раздались выстрелы и два человека упали на землю. Ко мне подошел все тот же офицер и снова протянул мне пистолет.

– Убей этого старого еврея, или я убью тебя, – предложил он мне.

Выбора у меня не было. Я взял пистолет и направил его на старика. Пистолет прыгал в моих руках, а я то и дело поглядывал на немцев, ожидая выстрела в спину.

– Ну, – произнес офицер и, взяв пистолет у другого офицера, уперся им в мой затылок.

Вот тогда я и понял, что хочу жить, и мне было неважно, кем я стану – палачом или предателем. Я, не целясь, нажал на курок. Попал ли я в старика или нет, я не знаю, но он упал на землю.

– Добей его, – снова приказал мне немец.

Я подошел к старику и выстрелил ему в голову. Только после этого я обратил внимание на человека с фотоаппаратом, который снимал эту казнь.

– Курт! Если хочешь, то можешь забрать себе этого русского. Думаю, что из него выйдет неплохой агент немецкой разведки, – произнес офицер, обращаясь к человеку с фотоаппаратом.

Вот так я и попал в Варшавскую разведшколу Абвера. В ноябре меня и моего напарника майора Бекметова немцы перебросили за линию фронта. Это произошло на участке 58-ой армии. Фронт мы перешли довольно легко: там нет сплошной линии обороны.

– Майор Бекметов – это Бабочкин? – спросил его Сорокин.

– Да, это он. Если честно, то я не знаю его настоящую фамилию. В школе он был под фамилией Бекметов.

– Ваше задание в Москве?

– Вы, наверное, уже догадались: я должен был взорвать одну из станций метро.

– А какое задание у майора Бекметова?

– Я этого не знаю: несмотря на то, что фронт мы переходили вместе, задание у него было отдельное.

– С кем вы контактировали в Москве?

Серов улыбнулся. Он хотел сначала соврать, но по лицу сидевшего перед ним капитана он понял, что ему известно о его встрече со связником.

– Я контактировал с человеком по имени Николай. Кто он, я не знаю. Мне кажется, что он работает машинистом в метро.

– Почему вы так считаете?

– Он очень хорошо знает и легко ориентируется в движении поездов и их маршрутах. И от него пахло соляной кислотой и углем.

– Кто еще проживает с вами в доме?

– С нами живет Старик. Это двоюродный брат хозяйки дома. Кто он такой, я не знаю. Однажды, когда он был во дворе, я открыл тумбочку. Там был фотоальбом. На одной из фотографий он был одет в форму офицера белой армии.

– Где Старик хранит ракеты, которые использует при обозначении целей для немецких самолетов?

Серов усмехнулся. Он был удивлен тем, что этот капитан знает и о ракетах.

– Мне кажется, что он все это прячет в старом, заброшенном сарае, который находится на смежном участке. Скажите, гражданин капитан, кто выдал меня?

Сорокин промолчал. Сейчас для него было важным установить местонахождение майора Бекметова. Вчера вечером, после ареста Серова, тому удалось оторваться от сотрудников, ведущих наружное наблюдение, и скрыться. Попытка найти его не увенчалась успехом.

– Меня еще интересует один вопрос. Назовите ваши запасные явки и каналы связи?

– Я очень устал, гражданин капитан. Вчера во время задержания мне повредили руку. Дайте команду, чтобы врач осмотрел меня, если вы хотите получить ответ на ваш вопрос.

Сорокин приказал увести арестованного. Когда за ним закрылась дверь кабинета, он снял телефонную трубку и начал звонить в Главное управление НКВД.

* * *

Майор Бекметов стоял в подъезде и в окно наблюдал за тем, как трое молодых людей метались по внутреннему двору этого большого дома, стараясь определить направление его движения. Вот они сошлись в центре двора и стали совещаться, а затем чуть ли не бегом бросились в разные стороны. Он еще постоял минут тридцать, а затем вышел из подъезда. Он шел по московским улицам, стараясь не привлекать к себе внимания прохожих. Свернув в ближайший переулок, он оказался перед трехэтажным старинным домом. Оглядевшись по сторонам, он достал из кармана шинели папиросы и закурил. Отсчитав от угла дома третье окно, он посмотрел на него. Несмотря на позднее время, он смог разглядеть на подоконнике цветок. Это был условный знак, говорящий об отсутствии опасности. Бросив недокуренную папиросу на землю, он вошел в подъезд дома. В там было темно и пахло кошачьей мочой. В какой-то момент он пожалел, что не взял с собой карманный фонарик. Бекметов чиркнул спичкой и в ее тусклом свете нашел нужную ему квартиру. Остановившись у двери, он снял предохранитель у пистолета и сунул его в карман шинели. Постучав двумя сильными и одним коротким ударом, он отошел шага на три и стал ждать. За дверью было тихо, лишь где-то на втором этаже кто-то громко ругался.

– Кто там? – наконец услышал он заспанный женский голос. – Вам кого?

– Я принес вам весточку от брата, – произнес он свою часть пароля.

– От какого брата? От Алексея?

– Нет, от Ивана, – ответил он.

Дверь открылась.

– Заходите быстрее, – произнесла женщина, закутанная в пуховую шаль. – Что случилось?

Прежде чем ответить на вопрос, он отстранил ее рукой в сторону и вошел в прихожую.

– Включите свет, а то в темноте можно сломать голову, – произнес он.

Женщина привычным движением руки включила свет. В тусклом свете электрической лампочки он обратил внимание, что перед ним стоит молодая и довольно привлекательная женщина лет двадцати пяти. Старая пуховая шаль не только не портила ее внешность, а, наоборот, придавала ей какую-то пикантную привлекательность.

– Как вас зовут? – спросил он ее.

– Соня, – коротко представилась она ему.

– Вы что, Соня, так и будете держать меня в прихожей?

– Извините, проходите, пожалуйста, в комнату, – произнесла она. – Правда, у меня небольшой беспорядок.

– Я не из жилищной комиссии, чтобы давать оценку состояния вашего жилища – ответил он ей.

Он вошел в комнату и сразу же направился к окну. Отодвинув в сторону занавеску, он посмотрел во двор: он был пуст, ни людей, ни машин. Убедившись в безопасности, он присел на диван. Женщина по-прежнему стояла в дверях и наблюдала за своим неожиданным гостем.

– Сотрудники НКВД арестовали Серова. Я сам это видел сегодня днем. Следовательно, явка Старика провалена, и мне сейчас просто некуда идти, – как бы между прочим произнес майор – Как мои документы, они готовы?

– Да, готовы. Посмотреть хотите? – спросила Соня.

– Хотелось бы взглянуть, что вы там написали?

Женщина прошла в комнату и, открыв створку буфета, достала стопку документов. Бекметов взял их в руки и стал внимательно рассматривать.

– Неплохо. Выходит, я с сегодняшнего дня уже не майор Бабочкин, а машинист поезда Васильев. У вас есть карта железнодорожных путей?

Она молча протянула ему карту, испещренную различными кривыми разноцветными линиями. Он разложил ее на столе и стал внимательно изучать.

– Пойдемте пить чай, – предложила хозяйка. – Карту посмотрите потом.

Бекметов отложил схему в сторону и направился вслед за Соней.

* * *

Сорокин сделал плоток холодного чая и отставил в сторонку чашку. Взяв в руки документ, он погрузился в чтение. Это был рапорт, по розыску майора Бекметова, составленный его заместителем. Ориентировка была направлена во все районные подразделения НКВД, Ориентирован был и личный состав милиции на транспорте. Девушка по имени Соня, что работала в магазине, бесследно исчезла. Адрес, по которому она проживала, оказался пуст. Со слов соседей, она выехала из этой квартиры еще три месяца назад.

«Где Бекметов может скрываться? – размышлял капитан. – Нужно поднять все родственные связи Сони. Сам Бекметов родственников в Москве не имеет и может временно «залечь на дно», лишь используя связи Сони».

Александр посмотрел на телефон, и тот, словно живой, затрясся и неприятно зазвонил. Сорокин невольно вздрогнул.

– Слушаю, Сорокин, – представился он, сняв трубку.

– Вот что, капитан, – не здороваясь, произнес заместитель начальника отдела Главка. – Принято решение по ликвидации группы ракетчиков. Я знаю, что ты считаешь это решение преждевременным, но руководство наркомата больше не желает ждать, когда ты полностью раскрутишь эту группу. У нас нет времени на все эти оперативные игры, тем более, что один из диверсантов, как ты докладывал, исчез из-под наружного наблюдения.

– Товарищ майор, сейчас мы отрабатываем родственные связи его связной. Думаю, что мы в ближайшее время выйдем на этого человека.

– Ты меня своими обещаниями не корми. Что у тебя за привычка, Сорокин, спорить с начальством? Мне результаты нужны, а не твои оперативные наработки. Я уже тебе говорил неоднократно, что сейчас идет война, и каждый день промедления стоит сотен человеческих жизней. Ты понял меня?

– Да, я все понимаю, товарищ майор. Но дайте мне еще хоть три дня?

– Что? Три дня? Не могу, Сорокин, не могу.

– Разрешите тогда мне обратиться с рапортом к начальнику отдела?

– Что ты сказал? К начальнику отдела?

– Да, я хочу обратиться с рапортом к начальнику отдела. Надеюсь, что он правильно поймет меня и разрешит дальнейшую разработку этой группы.

– Выходит, я специально не даю тебе работы? Ты, что из меня хочешь сделать идиота? – взревел заместитель начальника отдела. – Не разрешаю! Ты это понял?

– Но почему, товарищ майор?

– По кочану! Я сказал нет, значит, нет! Лучше приступай к выполнению приказа. О результатах доложи мне лично к восьми часам утра завтрашнего дня.

Капитан положил трубку. Он был немного удивлен тем, что впервые столкнулся с запретом своего руководителя, по поводу обращения к вышестоящему начальнику. Похоже, что теперь между ним и майором пробежала черная кошка. Набрав номер, своего заместителя Храпова он попросил его зайти к нему.

– Проходи, присаживайся, Валентин Васильевич, – предложил ему Сорокин, – есть разговор.

Когда тот сел за стол, Александр кратко сообщил ему, что руководство отдела приказало приступить к ликвидации немецкой диверсионной группы.

– А что будем делать с этим майором, Бекметовым? Кто его будет искать?

– Не знаю, Храпов. Руководство отдела, похоже, хочет отчитаться там, наверху, о результатах работы. Ты сам понимаешь, это – реальные диверсанты, которые запускают ночью ракеты, указывая цели.

– А разве майор Бекметов не реальное лицо? – перебив, спросил он Александра. – Что же это получается, товарищ капитан, мы целую неделю лошадиный помет по улицам Москвы гоняли? Я что-то вас не совсем понимаю, товарищ капитан!

– Не горячись, Валентин! Это не мое решение и не моя прихоть! Это – приказ, – жестко произнес Сорокин. – Не мне тебя учить, что бывает на войне за невыполнение приказа. Так что, успокойся и подготовь мне план по реализации дела по этим ракетчикам.

Храпов встал. Лицо его было пунцовым от негодования. Он хотел еще что-то сказать, но, встретившись взглядом со своим начальником, молча вышел из кабинета.

* * *

Ночь была как по заказу. На небе ни одной звездочки. Вдоль улицы дул северный, пронзительный ветер, загоняя людей и собак в помещения. Улица, на которой стояла автомашина с сотрудниками НКВД, была абсолютно пустой. Было тихо, лишь гудели от холода и ветра провода. К машине, пригибаясь под порывами ветра, подошел мужчина: он приоткрыл дверь и посмотрел на сидевших там сотрудников.

– Что скажешь? – спросил его Сорокин.

– Товарищ капитан! – почему-то шепотом произнес сотрудник. – Двадцать минут назад к дому Старика подъехала грузовая автомашина. Водитель и пассажир вошли в дом. Ждем, когда выйдут.

– Передайте группе захвата, что будем брать их при выходе из дома. Смотрите в оба, не упустите их.

– Есть, товарищ капитан, – ответил мужчина.

Он закрыл дверь автомобиля и моментально растворился в темноте.

Прошло минут пять томительного ожидания. Неожиданно раздался выстрел, затем второй, третий.

– Давай, жми к дому, – приказал Сорокин водителю, хорошо понимая, что стреляют именно там.

Водитель попытался завести двигатель автомашины, но у него ничего не получалось. Мотор машины кряхтел, чихал, но заводиться не хотел. Александр выбрался из «Эмки» и, достав на ходу пистолет, побежал к месту перестрелки. Первое, что он увидел, был грузовой автомобиль, стоявший около дома Старика. Под кузовом автомобиля лежал человек и, укрываясь за колесами, вел огонь по сотрудникам НКВД. В метрах пяти от него на снегу лежали два неподвижных тела.

– Раненые есть? – спросил Александр у Храпова, который стоял за углом здания. Тот иногда вытягивал руку и стрелял из пистолета в сторону полуторки.

– Есть, – коротко бросил он. – Трудно сказать: ранен или убит Виктор Никитин. Вон он лежит рядом с машиной.

Раздался выстрел. Пуля ударила в угол дома и рикошетом ушла куда-то вверх.

– Неплохо стреляет этот Старик, – произнес Храпов. – Это он Никитина подстрелил.

Неожиданно возникла пауза. Стало тихо.

– Эй, мусора! Что вы как трусы попрятались-то? Давайте, выходите, возьмите Рашпиля!

– Ты давай не блатуй, здесь фраеров нет. Мы подождем немного, – выкрикнул кто-то из сотрудников. – Мороз и ветер сделают свое дело, вот мы и посмотрим, как ты запляшешь минут через двадцать.

Рашпиль выстрелил на звук, но, похоже, не попал.

– Отставить разговоры, – громко выкрикнул Александр.

Снова стало тихо. Ветер гнал по земле поземку, наметая сугробы около колес грузовика.

– В сторону отойди, – приказал Сорокин своему заместителю.

Тот отодвинулся от угла, освобождая место. Александр выглянул из-за угла дома. Пальцы, державшие оружие, замерзли, и он, чтобы согреть их, сунул руку в карман пальто.

– Что будем делать, Валентин? – спросил он Храпова. – Нужно что-то предпринять, чтобы заставить его вылезти из-под машины.

– Сейчас что-нибудь придумаем, товарищ капитан.

Прошло минут десять, и из переулка выехал грузовик, который, не останавливаясь, врезался в стоявшую у дома Старика машину. Рашпиль выкатился из-под нее и, петляя из стороны в сторону, как заяц, бросился бежать вдоль улицы. Вслед ему захлопали выстрелы. Не обращая внимания на свист пуль, он продолжал бежать. Когда ему казалось, что до спасения осталось лишь свернуть за угол дома, Сорокин плавно нажал на курок пистолета. Сухой щелкнул одиночный выстрел. Беглец сделал шаг и повалился лицом в снег.

– Пошли за ним людей. Я подстрелил ему ногу, – обращаясь к Храпову, произнес Александр. – Берите его, пока он не превратился в ледышку.

Оперативники, укрываясь за забором, и заборами побежали к Рашпилю. Теперь осталось взять живым Старика. Услышав у себя за спиной хруст снега, Сорокин обернулся. К нему подошел заместитель начальника милиции, держа в руке «Наган».

– Ну как, капитан? Наша помощь нужна?

– Не откажусь. Нужно отвлечь внимание Старика. Пошумите немного с той стороны, а я постараюсь ворваться в дом с этой.

– Хорошо. Все понял, – произнес Говоров и направился обратно.

* * *

Сорокин перелез через забор и внезапно почувствовал сильную боль в ноге. Он остановился и, схватив горсть снега, вытер им лицо. По спине потек тонкий ручеек пота. Он попытался сделать шаг, но боль по-прежнему держала его в своих объятиях.

«Надо идти, – дал он себе установку. – Нужно брать Старика, пока он не уложил еще кого-нибудь из моих людей».

Пересилив боль, он сделал несколько шагов и остановился у угла дома. С улицы раздалось несколько выстрелов. Сорокин, прижимаясь к стене, стал потихоньку продвигаться к входной двери. Огромная, свирепая собака, сторожившая дом, испугавшись выстрелов, спряталась в будке и замерла и не подавала признаков жизни. Дверь в дом оказалась незапертой. Александр приоткрыл ее стволом пистолета и заглянул в сени. Они были пусты. В комнате раздался выстрел. Он резко распахнул дверь и увидел стоявшего к нему спиной мужчину.

– Брось оружие и подними руки! – произнес он. – Бросай, иначе убью!

Мужчина обернулся на голос. Увидев в руке Сорокина пистолет, он бросил свой на пол и поднял руки.

– Я тогда еще понял, кто ты и зачем пришел, – произнес мужчина, внимательно рассматривая капитана. – Надо было тебя чикнуть, и проблем бы не было.

– Если понял, то почему не чикнул?

Мужчина не ответил. В комнату вошел Говоров. Не говоря ни слова, он ударил мужчину в лицо кулаком.

– Тварь! Была бы моя воля, я бы тебя... прямо здесь без суда и следствия.

Мужчина ладонью вытер кровь из разбитого носа и сплюнул на пол. Вслед за сотрудником милиции в комнату вошел Храпов.

– Это он убил Витьку Никитина, – произнес он. – Может, его к стене?

– Не торопись, от стены он не убежит. А пока уведите его и приступайте к обыску. Посмотрите внимательно в сарае, там должны находиться осветительные ракеты.

Сорокин вышел из дома и, попрощавшись с Говоровым, направился к машине. Через час он уже был на рабочем месте.

Сев за стол, он позвонил дежурному и приказал привести к нему раненого Рашпиля.

– Присаживайся – предложил ему капитан.

Рашпиль, хромая на левую ногу, прошел в кабинет и сел на табурет. Он с вызовом посмотрел на капитана и сплюнул на пол. Сорокин молча вышел из-за стола и, сняв с арестованного шапку, бросил ее на плевок и ногой растер плевков. Подняв шапку, он надел ее на диверсанта.

– В следующий раз вытрешь плевков своим лицом. А сейчас: фамилия, имя, отчество? – Он взял со стола ручку, приготовился писать.

– Не помню, – с ухмылкой ответил Рашпиль. – Раньше помнил, а теперь нет.

– Тогда начнем с того, что я тебе скажу, где ты находишься. Это специальный отдел НКВД. Понял? Ты оказал вооруженное сопротивление сотрудникам и только это потянет лет на двадцать пять как минимум, но могут приговорить и к «вышке». Это первое. Второе, ты наводил немецкие самолеты на цели, а за это – расстрел. Однако при оказании помощи следствию, можно избежать казни. Так что твоя жизнь зависит только от тебя.

Лицо Рашпиля исказила кривая ухмылка. Похоже, слова капитана НКВД не произвели на него никакого впечатления. Наверняка он хорошо понимал, что его, оказавшего вооруженное сопротивление сотрудникам НКВД, расстреляют, и никакое сотрудничество со следствием не спасет его от высшей меры.

– Не нужно мне ездить по ушам, начальник. Оставьте ваши «ля-ля-тополя» для других. Я отлично понимаю, что меня ждет впереди. У меня за спиной пять ходок, и я жизнь знаю не по учебникам.

– Неужели ты думаешь, что я не заставлю тебя рассказать все, что ты знаешь о диверсантах? В этих стенах начинают говаривать даже кирпичи, если к ним обращаются с вопросами. Поэтому я предлагаю тебе самому все рассказать, чтобы не испытывать неприятные моменты.

– Мне не нужны ваши советы, гражданин начальник. Оставьте их для своих подчиненных.

На столе Сорокина зазвонил телефон. Он снял трубку и услышал голос майора. Выслушав его, он посмотрел на сидевшего перед ним арестованного, который прислушивался к их разговору.

– Да, я сейчас приеду, – произнес Сорокин и положил трубку.

– А здорово он вас, начальник, – восхищенно произнес Рашпиль. – Я бы даже сказал – классически.

Капитан вызвал конвой и приказал отвести арестованного в камеру.

* * *

Александр шел по коридору наркомата внутренних дел, то и дело, козыряя офицерам, проходящим мимо него. Всю дорогу, пока он ехал, его не покидала мысль, что вызов его на «ковер» к начальнику отдела дело рук майора. Он остановился перед дверью и посмотрел на блестящую в свете электрических ламп медную пластину, на которой красивыми буквами были выгравированы должность и фамилия начальника. Глубоко вздохнув, он открыл массивную дверь и оказался в небольшой приемной.

– Сорокин? – спросила его девушка, одетая в гимнастерку.

– Так точно, капитан Сорокин.

– Подождите минутку, у Ивана Тимофеевича небольшое совещание.

Александр сел на стул и, достав из кармана носовой платок, вытер им внезапно вспотевший лоб.

– По-какому вопросу меня вызвали? – поинтересовался он у секретаря.

Девушка молча пожала плечами. Прошло минут пятнадцать, когда из-за двери показался комиссар НКВД первого ранга. Сорокин вскочил на ноги и вытянулся по стойке смирно. Комиссар прошел мимо, даже не взглянув на него. Секретарь вошла в кабинет начальника, чтобы доложить о прибытии Сорокина.

– Заходите, – произнесла секретарь, выходя оттуда. – Иван Тимофеевич ждет вас.

– Здравия желаю, Иван Тимофеевич. Разрешите?

Иван Тимофеевич Сидоров был старым чекистом. Ходили слухи, что в ЧК он пришел вместе с Дзержинским. Сорокин хорошо знал, что он не любил, когда к нему обращались по званию, так как считал, что работа в наркомате внутренних дел накладывает на отдельных людей негатив, который сводится к погоне за званиями, перечеркивая человеческие качества чекиста.

– Проходите, Сорокин, – произнес о хриловатым от простуды голосом. – Мне доложили, что при ликвидации немецких диверсантов, группа понесла потери. Это правда?

– Так точно. Погиб младший лейтенант Виктор Никитин.

– Как же так? Мне говорили, что вы опытный сотрудник, и вдруг потери? Неужели нельзя было обойтись без них....?

Он не договорил, давая возможность Сорокину доложить, как это произошло. Александр подробно рассказал ему, как был убит его сотрудник. Выслушав доклад, Сидоров неожиданно поинтересовался его взаимоотношениями с майором.

– Какие могут быть отношения между начальником и подчиненным? Скажу честно, что операцию по захвату немецких диверсантов мы начали по его команде. Я предлагал перенести ее, так как мы столкнулись лишь с исполнителями и еще не вышли на радиста и резидента. Однако он сослался на ваше решение, и мы вынуждены были начать операцию без соответствующей подготовки.

– Выходит, во всем виноват я? Так получается? Почему вы не обратились лично ко мне?

– Мне не разрешили, Иван Тимофеевич.

– Кто не разрешил? – он спрашивал, чеканя каждое слово.

Сорокин промолчал. Начальник отдела достал из портсигара папиросу и закурил.

– Что так смотришь на меня, капитан. Думаешь, вот сидит этот старик за столом и учит меня жить. Я всегда раньше, почему-то считал, что старость наступает лишь тогда, когда человек не воспринимает необычное. Но сейчас я поменял свою точку зрения. Почему, пока не знаю.

Он докурил папиросу.

– Что у нас с майором Бекметовым? – неожиданно спросил он. – Нашли?

– Ищем, Иван Тимофеевич. Не исключено, что он временно «залег на дно». У нас есть тонкая ниточка, но ваш заместитель заставил переориентировать работу группы на ликвидацию ракетчиков и тем самым лишил меня возможности проверить ее.

Начальник стряхнул пепел с папиросы в пепельницу и посмотрел на Сорокина. Ему нравился этот молодежавый капитан с медалью на груди. Он чем-то напоминал его в молодости: такой же цепкий, честный и прямой.

– Все, что связано с группой ракетчиков, передайте Любимову, а сами займитесь розыском майора Бекметова. Задача ясна? И еще. Постарайтесь найти этого человека как можно быстрее. Нами перехвачена немецкая радиограмма, которая требует активизации операции «Туннель». Что это, мы пока не знаем.

– Разрешите идти?

– Идите, – тихо произнес Сидоров.

«Похоже, ему сильно нездоровится, – подумал Сорокин, выходя из кабинета, – мешки под глазами, цвет лица...»

Сев в ожидавшую его машину, он направился на базу. На улице было темно, где-то в небе завывали немецкие самолеты, и были слышны хлопки зенитных орудий. Проезжая мимо дома, он заметил, как по пожарной лестнице спускается мужчина.

– Останови машину – приказал он водителю.

Достав из кобуры пистолет, он направился во двор, где скрылась фигура мужчины. Справа от него звякнула какая-то железка.

– Стой! Руки вверх! – выкрикнул он.

Он сделал два шага и увидел мужчину, который стоял с поднятыми руками.

– Не стреляйте! – услышал он за спиной женский голос. – Не стреляйте!

Сорокин обернулся и увидел двух молодых девушек.

– Не стреляйте, это наш командир!

Как выяснилось, мужчина был командиром народной дружины, которая несла службу на крышах домов, туша зажигательные бомбы, которые сбрасывали на город немецкие самолеты. Разобравшись с этой проблемой, Сорокин продолжил свой путь.

* * *

Бекметов лежал на диване и отрешенно смотрел в потолок комнаты. Вот уже три дня его мучила депрессия. Ему ничего не хотелось делать. Бутылка водки по-прежнему стояла на столе, но он к ней за это время даже не притронулся. Сейчас он думал о семье, оставленной им в Минске. Два дня назад он передал через связную сообщение о том, что приступил к выполнению задания, однако это был блеф. Он был уверен, что сотрудники НКВД изъяли из камеры хранения его чемодан, в котором находилась взрывчатка. Начинать дело, не имея самого главного – взрывчатки, было глупо.

За стенкой послышались голоса. Он прислушался и сразу же догадался, что в соседней квартире спорят супруги. Он удивился этому и снова вспомнил свою супругу, с которой за все десять лет совместной жизни ни разу не ругался. Служба заставляла его довольно часто менять место жительства: бросала с Дальнего Востока на Запад, но, несмотря на все эти тяготы жизни, его жена ни разу не высказала ему претензий. Да и в чем она могла его упрекнуть? Сотни таких офицерских семей мотались по всему Советскому Союзу, ни имея не постоянного места службы, ни места жительства. Проводя все время в казармах, он даже не заметил, как выросла дочь. В том году, когда его судьба сделала резкий поворот, дочка должна была пойти в школу. Он вспомнил ее лицо, светлые пушистые волосы, веснушки на носу и щеках, звонкий голосок, и ему вдруг стало тяжело. Он хорошо знал, что бывает с семьями врагов народа, и сейчас было неважно, чей он враг – немцев или русских.

«Если бы я тогда не согласился сотрудничать с немцами, что было бы со мной и семьей? – уже в который раз спросил он себя. – Наверняка бы, расстреляли, а вместе со мной, возможно, расстреляли бы и семью, ведь у немцев был приказ фюрера расстреливать на месте офицеров, политработников, евреев и цыган. Советский лагерь мало чем отличался от немецкого: и там и здесь никто не разбирался, кто стоит перед ними. Пословица о том, что дети за отцов не отвечают, явно не работала ни здесь, ни за линией фронта».

В коридоре раздались шаги. Его тело непроизвольно напряглось, а рука машинально нащупала ребристую рукоятку лежавшего под подушкой пистолета. Он встал с дивана и, осторожно ступая босыми ногами, встал у двери. Она осторожно открылась, в прихожую вошел мужчина в черной фетровой шляпе. Он сделал знак рукой, и в дверях выросла еще одна мужская фигура в шинели. Это явно были не квартирные воры. Но и на чекистов они походили мало: у них не было той уверенности, которая присуща этой категории людей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.